

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

*Сборник статей по материалам
XLIV-XLV международной научно-практической
конференции*

№ 1 (42)
Январь 2015 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2015

УДК 3
ББК 6/8
А 43

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Карпенко Виталий Евгеньевич — канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии Сумского государственного педагогического университета им. А.С.Макаренко.

Редакционная коллегия:

Барштейн Виктор Юрьевич — д-р. философии по искусствоведению, рецензент НП "СибАК", Украина.

Гужавина Татьяна Анатольевна — канд. филос. наук, доц. кафедры социологии и социальных технологий «Череповецкий государственный университет»;

Карпенко Татьяна Михайловна — канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры философии и социологии исторического факультета Сумского государственного педагогического университета им. А.С.Макаренко;

Купченко Константин Владимирович — канд. ист. наук, доц. кафедры естественно-гуманитарных дисциплин Смоленского филиала ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В.Плеханова»;

Прошин Денис Владимирович — канд. ист. наук, доц. кафедры политологии и социально-гуманитарных наук Днепрпетровского университета им. Альфреда Нобеля;

Соловенко Игорь Сергеевич — канд. ист. наук, доц. кафедры ЭиАСУ Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета;

Сорокин Александр Николаевич — канд. ист. наук, доц., ст. науч. сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета, доц. кафедры социологии, психологии и права Национального исследовательского Томского политехнического университета;

Шяхметова Венера Рюзальевна — канд. ист. наук, доц. кафедры общей отечественной истории Пермского государственного национально-исследовательского университета (ПГНИУ), доц. кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарного педагогического университета (ПГГПУ).

А 43 Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история / Сб. ст. по материалам XLIV-XLV междунар. науч.-практ. конф. № 1 (42). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2015. 108 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Секция 1. Политология	6
1.1. Мировая политика	6
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УКРАИНЫ (1991—2014) Судакова Татьяна Григорьевна Кайтмазов Владимир Артурович	6
Секция 2. Социология	12
2.1. Методология и методика социологического исследования	12
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРВИЧНЫХ ДАННЫХ В СОЦИОЛОГИИ: «СМЕЩЕННОСТЬ» ИНФОРМАЦИИ Прошкова Зоя Вячеславовна Еременко Евгений Дмитриевич	12
2.2. Социология управления	18
ВЛИЯНИЕ РЕКЛАМЫ НА ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА Маслов Никита Владимирович Канищева Александра Владимировна	18
2.3. Социология личности	23
ПИСЬМО ПОППЕРУ: АПЛТЕЙЯ ОТКРЫТОСТИ ЧЕРЕЗ СУВЕРЕНИТЕТ ЛИЧНОСТИ ПУТЬ В УТОПИЮ ИЛИ К НОВОМУ МИРУ? Вздорова Людмила Павловна	23
2.4. Социология коммуникаций	33
О СУЩНОСТИ КОНТЕКСТА СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ Наумова Елена Вадимовна	33
ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В НАРРАТИВАХ ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА Окладникова Елена Алексеевна	38

КОНФЛИКТЫ В СТУДЕНЧЕСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ ВУЗА Судакова Татьяна Григорьевна Полатида Кристина Олеговна	45
Секция 3. Философия	51
3.1. Философия и ее роль в современном обществе	51
СОВРЕМЕННОЕ ЗВУЧАНИЕ ИДЕИ Н.А. ДОБРОЛЮБОВА О НРАВСТВЕННОМ КОНФЛИКТЕ Моторина Лариса Юрьевна	51
3.2. Динамика современной культуры	59
ЭНВАЙРОНМЕНТАЛИЗМ КАК НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОТНОШЕНИЯ К ПРИРОДЕ Дзех Анастасия Владимировна	59
3.3. Социальная философия	65
УГРОЗЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ГУМАНИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ Мацюк Дмитрий Анатольевич	65
3.4. Онтология и теория познания	71
ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ ГЕОРГА ГЕГЕЛЯ Жулий Юрий Валерьевич Аббасов Шамо Малик оглы	71
Секция 4. История	77
4.1. История России	77
УСТАВ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ПРИЗРЕНИИ 1892 Г. — ЕДИНСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКСНЫЙ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ АКТ, РЕГЛАМЕНТИРОВАВШИЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СТРАНЕ Афанесян Кристина Кареновна	77

ОРГАНИЗАЦИЯ ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ МОДЕЛИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В 1926—1930 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ Г. ОРЕНБУРГА) Калдузова Виолетта Александровна	81
ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ — ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА В РАБОТЕ ДЕТСКИХ КОЛОНИЙ МВД СССР Якушина Евгения Сергеевна	91
4.2. Археология	97
ТРАДИЦИЯ НОШЕНИЯ СЕРЕГ МУЖЧИНАМИ У ЯКУТОВ (ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ) Бравина Розалия Иннокентьевна	97
4.3. Историография, источниковедение и специальные исторические дисциплины	103
МИФОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОР В НАРРАТИВАХ ИДЕОЛОГА НЕОЯЗЫЧЕСТВА А.А. ДОБРОВОЛЬСКОГО Шиженский Роман Витальевич Тютинина Ольга Сергеевна	103

СЕКЦИЯ 1.
ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

**ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УКРАИНЫ
(1991—2014)**

Судакова Татьяна Григорьевна

*канд. ист. наук, старший преподаватель Владикавказский филиал
Финансового университета при Правительстве
РФ, г. Владикавказ
E-mail: tatyanyushka.s@mail.ru*

Кайтмазов Владимир Артурович

*студент финансово-экономического факультета Владикавказский
филиал Финансового университета при Правительстве
РФ, г. Владикавказ
E-mail: 79891328930@yandex.ru*

**POLITICAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF UKRAINE (1991—2014)**

Sudakova Tatyana

*candidate of historical science Financial University
under the Government of the Russian Federation, Vladikavkaz Branch,
Russia Vladikavkaz*

Kaytmazov Vladimir

*student financial-economic of the faculty Financial University
under the Government of the Russian Federation, Vladikavkaz Branch,
Russia Vladikavkaz*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы политического и экономического положения украинского государства в период его постсоветского существования. Установлено, что современное состояние Украины можно определить как кризисное. Стремление Украины к западным образцам не облегчает трудного положения населения страны. Украинскому государству необходимы коренные преобразования для преодоления кризиса.

ABSTRACT

The paper considers the political and economic situation of the Ukrainian state in the post-Soviet period of its existence. It was found that the current state of the Ukraine can be described as a crisis. The Ukraine's aspirations to the western standards does not ease the difficult situation in the country. Ukrainian state needs radical reforms to overcome the crisis.

Ключевые слова: Украина; экономика; политика; экономико-географическое положение; кризис.

Keywords: Ukraine; economy; politics; economic and geographical location; crisis.

Внутренние потрясения 2013—2014 гг. на Украине делают актуальным анализ политических и экономических процессов, имевших место в этой стране в период с 1991 по 2014 гг., — то есть в период становления и развития современной украинской государственности.

24 августа 1991 года был принят Акт провозглашения независимости Украины, который во многом предопределил невозможность сохранения СССР как единого государства. 1 декабря 1991 года был проведён всеукраинский референдум. Большинство населения союзной республики поддержало идею создания независимого государства.

За период независимости, характеризующийся резким спадом экономики, последствия которого не удалось преодолеть и в XXI веке [1, с. 105], а также стремительной убылью населения, которое сократилось с 52,24 миллиона человек в 1993 году до 46,37 миллиона в 2008 [2, с. 9], Украина к настоящему моменту сменила пятерых президентов, четвёртый из которых — Виктор Янукович — фактически был отстранён от власти после переворота 2014 года. Каждый из глав украинского государства имел свои политические предпочтения и взгляды на перспективы развития страны, как и действующая администрация. При этом можно выделить ряд черт, в которых все руководители государства не имели значительных разногласий. Это выразилось в том, что курс на централи-

зацию и украинизацию русскоязычных регионов сопровождал, и продолжает сопровождать, политику любой украинской власти.

Современная Украина по форме государственного устройства является унитарным государством со смешанной формой правления. Петр Порошенко с июня 2014 года занимает пост президента, а премьер-министром страны является Арсений Яценюк.

Украина имеет выгодное экономико-географическое положение. Выгода экономико-географического положения Украины определяется прежде всего, благоприятными природными условиями, разнообразными ресурсами, а также соседством со многими развитыми странами, особенно Западной Европы. Украина имеет необходимые предпосылки для развития морских сообщений. С географическим положением Украины связана ее роль морской державы с морскими портами Средиземноморского бассейна, выходом через Босфор, Дарданеллы, Суэцкий канал, Гибралтар в Мировой океан.

Украина — индустриально-аграрная страна. Объем ВВП за 2012 год, рассчитанный по паритету покупательной способности, составил 338 334 миллиона долларов США (7 421 доллара США на душу населения). Номинальный ВВП в том же году составил 176 310 миллионов долларов США (3 867 долларов США на душу населения). Денежной единицей страны является гривна (UAH), усреднённый курс за август 2014 год — 14 гривен за 1 доллар США [2, с. 4].

Как упоминалось выше, независимость страны была провозглашена 24 августа 1991 года. С 1922 по 1991 годы Украина была республикой, входившей в состав СССР. В период с 1991 по 1996 годы Украина располагала третьим по величине, после США и России, ядерным запасом [3, с. 87].

События Евромайдана, начавшиеся в ноябре 2013 года в связи с решением правительства Украины приостановить процесс подготовки к подписанию соглашения об ассоциации с Евросоюзом, вызвали острый политический кризис и в феврале 2014 года привели к смене государственной власти. 22 февраля президент Виктор Янукович был объявлен Верховной радой самоустранившимся от исполнения конституционных полномочий. 23 февраля исполнение обязанностей президента Украины было возложено на председателя Верховной Рады Александра Турчинова. 27 февраля бывшей оппозицией было сформировано временное правительство, которое возглавил Арсений Яценюк. Новое руководство Украины, поддержанное странами Запада, распорядилось возобновить процесс евроинтеграции. 21 марта представители Евросоюза и Арсений Яценюк подписали политический блок

Соглашения об ассоциации. 27 июня была подписана экономическая часть Соглашения.

В противовес странам Запада, с энтузиазмом воспринявших политические перемены Украины, российское руководство отказалось признавать легитимность новых украинских властей, настаивая на том, что законным президентом Украины является Виктор Янукович, который, по мнению России, был смещён оппозицией в результате государственного переворота. Президент России Владимир Путин обратился к Совету Федерации за разрешением на использование российских Вооружённых сил на территории Украины и получил такое согласие.

Уже в конце февраля — начале марта города Юго-Восточной Украины охватили массовые общественно-политические акции против действий ультраправых националистических организаций, в защиту статуса русского языка, под антиправительственными, федералистскими, пророссийскими лозунгами.

В середине марта 2014 года власти Автономной Республики Крым и города Севастополя при поддержке России и несмотря на попытки противодействия властей Украины провели референдум, на основании результатов которого в одностороннем порядке была провозглашена независимая Республика Крым и её последующее присоединение к России в качестве субъектов федерации — Республики Крым и города Севастополя. Украина, не признавшая отделение Крыма, рассматривает его как временно оккупированную территорию [4].

В апреле 2014 года было объявлено о создании Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики. 15 апреля украинским руководством была начата военная операция против вооружённых отрядов сторонников ДНР и ЛНР. 12 мая, в соответствии с результатами состоявшихся 11 мая референдумов, Донецкая и Луганская области Украины объявили о государственном суверенитете и образовании новых государств: Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, однако их результаты не получили международного признания.

25 мая на Украине состоялись внеочередные президентские выборы. Президентом уже в первом туре был избран Пётр Порошенко.

С апреля по сентябрь 2014 года в восточных областях Украины шли ожесточенные бои между украинской армией, национальной гвардией и вооружёнными формированиями добровольцев, с одной стороны, и вооружёнными формированиями самопровозглашённых республик (народным ополчением), с другой.

5 сентября в Минске после переговоров было достигнуто соглашение о прекращении огня.

16 сентября Верховная Рада Украины и Европейский парламент одновременно, пользуясь видеосвязью, ратифицировали соглашение об ассоциации Украины и ЕС. «Это окончательный и бесповоротный выбор Украины в сторону Европы», — отметил Президент Украины Петр Порошенко [4].

На данный момент Украина находится на грани дефолта. В государственной казне отсутствуют денежные средства. И это не преувеличение.

За время противостояния (в том числе и силового) в стране практически не работали предприятия и заводы. Но правительство продолжало выплачивать все социальные платежи и зарплаты бюджетникам. С приходом новой власти ситуация усугубилась. Сейчас Западная Украина и Крым отказались отчислять денежные средства в казну государства.

Помимо этого, стоит обратить особое внимание на всех международных партнеров нынешней украинской власти. ЕС и США призывают МВФ выдать новому правительству Украины многомиллиардный кредит. Но ситуация довольно сложная.

На данный момент у Европы денег нет. Стоит только вспомнить положение Португалии, Испании или Греции и все станет ясно. Соответственно, МВФ, поддержав инициативу ЕС и США, стало выдвигать поистине губительные для Украины требования.

Из самых основных, внимания заслуживают всего несколько требований. 1. Снижение социальных выплат и размера минимальной оплаты труда бюджетникам. 2. Повышение цен на услуги ЖКХ. Они требуют поднять тарифы в два-три раза. 3. Повысить стоимость газа для предприятий на шестьдесят процентов, а для населения — в два раза. 4. Поднять стоимость электроэнергии в два раза. 5. Приостановить (заморозить) зарплаты бюджетникам, пенсии пенсионерам и стипендии студентам. Кроме этого, ЕС требует сократить аппарат Кабмина. Но на этот шаг ни одна Украинская власть никогда не пойдет [4].

Нельзя оставить без внимания и то, что Россия не собирается продлевать газовые договоренности, которые были заключены с кабинетом Азарова-Януковича. Соответственно, газовых льгот теперь не будет. Однако, долги, как ЕС, так и России отдавать необходимо. Предприятия не работают. Стоимость газа повлечет за собой рост цен и на автомобильное топливо. В данной обстановке и с нынешними материальными возможностями, фермеры не смогут засеять поля. Соответственно, доходов от сельского хозяйства ждать не приходится.

Это же в полной мере относится и к промышленности. Помимо невозможности производить продукцию, может закрыться и рынок. То есть, Россия перестанет принимать товары с Украины.

Данная политическая стратегия может привести к тому, что Украину нужно будет просто отдать за долги.

Таким образом, можно утверждать, что за период независимого существования современной Украины в ней не было создано полноценного экономического базиса, необходимого для стабильного развития любого суверенного государства. Кроме того, очевидные прозападные внешнеполитические ориентиры украинской правящей элиты не способствовали внутривнутриполитической консолидации общества и, в конечном счете, привели к его расколу, следствием чего стал кризис власти и начало вооруженного гражданского противостояния между восточными и западными частями страны.

Список литературы:

1. Кара-Мурза С., Мусненко С. Куда идём? Беларусь, Россия, Украина. М.: Эксмо, Алгоритм, 2009. — 432 с.
2. Мезенин В.Г., Кудряшова В.В. Цена присоединения Крыма // Вестник Екатеринбургского Института. — 2014. — № 2 (26). — С. 3—11.
3. Постсоветское пространство в глобализирующемся мире. Проблемы модернизации. / подред. Л.З. Зелвин. СПб.: Алетейя, 2008. — 312 с.
4. Эксперты оценили потери Украины от ухудшения отношений с Россией [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.interfax.ru>.

СЕКЦИЯ 2.
СОЦИОЛОГИЯ

**2.1. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРВИЧНЫХ ДАННЫХ
В СОЦИОЛОГИИ: «СМЕЩЕННОСТЬ» ИНФОРМАЦИИ**

Прошкова Зоя Вячеславовна

*канд. социол. наук, старший научный сотрудник
Социологического института Российской академии наук,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: eder57@nm.ru*

Еременко Евгений Дмитриевич

*канд. культурологи, доцент Санкт-Петербургского
государственного института кино и телевидения,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: cashaanna@gmail.com*

**THE COMPARATIVE ANALYSIS OF PRIMARY DATA
IN SOCIOLOGY: “DISPLACEMENT” OF INFORMATION**

Zoya Proshkova

*candidate of Sociological Sciences, Senior Research Scientist,
Sociological Institution of Russian Academy of Sciences,
Russia, St. Petersburg*

Eugene Eremenko

*candidate of culturology, Associate Professor
of St. Petersburg State Institute of Film and Television,
Russia, St. Petersburg*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена принципам систематического анализа методов сбора информации в социологических исследованиях. Эмпирические подходы сравниваются через их общую составляющую — первичные данные. Подробно рассмотрена такая характеристика исходной информации, как «смещенность». Речь идет о различных вариантах искажения социологических данных на начальном этапе исследования.

ABSTRACT

The article is devoted to the principles of the systematic analysis of data collection methods in sociological research. Empirical approaches are compared through their common component — the primary data. The characteristics of the original information such as "displacement" is determined in detail. It is referred to different variants of distortion of sociological data at the initial stage of the study.

Ключевые слова: эмпирические исследования в социологии; методы сбора информации; первичные данные; «смещенность данных»; респондент; интервьюер; качественные и количественные подходы; опрос; наблюдение; анализ документов.

Keywords: empirical study in sociology; information collecting methods; the primary data; «data displacement»; respondent; interviewer; qualitative and quantitative approach; survey; supervision; document analysis.

Первичные данные являются одной из наиболее важных частей исследования. Они обеспечивают базу итоговой информации, определяют условия дальнейшего хода эмпирического проекта. Проблематика первичных данных всегда представлялась принципиальной и заслужила, в частности, большое внимание в зарубежной и отечественной литературе. Было выдвинуто множество характеристик социологической информации. В этой статье мы хотели бы предложить и обсудить такой критерий для сравнительного анализа исходного материала, как «смещенность данных».

Существует проблема прямого или непрямого отношения информации к социальной реальности, уровня аутентичности данных. Информация часто «смещается» тем или иным образом. Можно рассуждать о потенциальных степенях такого смещения и его различных вариантах. Это философская проблема. Исследование

не получает точный слепок реальности, лишь ее отражение — всегда частичное, выборочное.

Этот факт необходимо осознать для более глубокого понимания информации вообще и социологической в частности. Нельзя фиксировать смещение точно, оно всегда потенциально. Можно оценить лишь степень его вероятности и примерно определить характер. Мы обнаружили четыре варианта возможного «смещения» первичной информации в эмпирических исследованиях: инструментальное, смещение респондентом и интервьюером, а также составителем наличных текстов в методе анализа документов.

Смещение данных инструментом исследования. Информация может быть искажена социологическим инструментарием при ее получении. Данное влияние является нулевым только в методах, использующих наличные документы. В проектах, «производящих» или «иницирующих» информацию, степень смещенности данных варьирует от незначимой до высокой.

В нарративах, спонтанных историях, «свободных» повествованиях информация «делается» предельно мягко именно из-за стремления исследователя получить естественную презентацию изучаемого объекта и не влиять на него.

Такое же неформализованное интервью на базе открытых вопросов может существенно «сдвинуть» представление исследуемой реальности. Поэтому подход считается в ряду качественно ориентированных методов слишком директивным, навязывающим респонденту взгляды и концепции исследователя [2]. Нарративы разрабатывались с целью преодоления проблемы «инструментального смещения» [1]. То же касается метода незаконченных предложений и анкеты с открытыми вопросами.

В стандартизованных опросах любого типа набор ответов респондента заранее определен, так что можно говорить о значительной опасности «смещения» информации исследователем. Аналогичная проблема есть у структурированного наблюдения. Среди количественных подходов, на наш взгляд, наименьшее инструментальное смещение происходит в демографических проектах. Разработчики вопросника стремятся получить ясную и однозначно трактуемую информацию. Тем не менее, часто встречаются ошибки инструментария и в таких «простых», но очень ответственных исследованиях.

Проблема «инструментального смещения» получаемой информации может возникнуть при ответах на открытые вопросы в преимущественно стандартизированной анкете. У респондента в такой ситуации формируется определенная установка; и цель — раздвинуть

рамки закрытого опроса — не достигается. Респондент не в состоянии перестроиться и продолжает давать схематичные ответы. К тому же, как существо, способное к самостоятельной методической рефлексии, стремится к схематизации, считая это удобным для исследования [6].

Социологи делают вывод о малой эффективности открытых вопросов. Хотя проблема заключается в трудности или невозможности их включения в формализованную анкету.

Смещение информации в методах, использующих преимущественно или исключительно открытые вопросы (интервью с четко заданной темой) тоже может происходить «по вине» респондента. Проблема, однако, является чисто инструментальной. По ряду задаваемых вопросов информант может и не иметь своего уже сформированного мнения. Причем при заполнении анкеты у человека есть время обдумать ответ. Интервьюирование предполагает быструю и часто плохо отрефлектированную реакцию.

Здесь существует и другое мнение. Открытое интервью сохраняет свежесть и непосредственность впечатлений, естественность языка информанта. Именно такое преимущество видят в разновидности неформализованного интервью — устной истории. К тому же здесь нет проблемы установления авторства повествований.

Включенное наблюдение методологически «разрешает» социологу во многом самостоятельно моделировать исследуемую ситуацию и ее отражение в текстах, полагаясь на эмпатические способности исследователя. Критерий «инструментальная смещенность» не очень подходит для анализа такого типа данных в силу высокой специфичности инструмента, задающего свою логику исследования.

«Смещение» информации респондентом. Искажение исходных материалов в опросных методах, связанное с поведением респондентов, экспертов, информантов. В проектах, использующих методику сбора биографий, в «смещении» виноваты поставщики текстов. Такие первичные данные часто упрекают в излишней субъективности. Зато в авторстве сомнений нет.

Причины «смещения» информации респондентом в методах опроса неоднократно анализировались. Они могут быть самыми разными: недостаточная компетентность респондента, провалы его памяти, фальсификация фактов по тем или иным основаниям. Наконец, есть проблема «самопредставления». Это стремление респондента — осознанно или нет — презентировать себя в лучшем виде.

Последняя проблема даже в демографических проектах дает смещение по возрасту, размеру доходов и т. п. Но в целом, по общему

мнению, она больше свойственна нарративам, устным историям, биографиям, мемуарам, дневникам. Особенно созданным по заказу, просьбе и тем более в расчете на опубликование [5]. Подобная коллизия ставит вопрос о доверии к методу. Поэтому проводились исследования, зафиксировавшие различные виды несоответствия в рассказах и рассмотревшие причины ошибок [4 и др.].

В частности, польские социологи обнаружили среди участников конкурсов биографий «профессионалов», отправлявших одни и те же тексты на разные экспертизы. Следует, заметить, что таких информантов очень мало [3].

«Смещение» данных интервьюером. Первичная информация в методе интервью может быть в разной степени нарушена интервьюером. Именно данный вариант искажения считается основным и анализируется в стандартизованных проектах. Возможности преодоления таких ошибок — одна из главных тем при обсуждении метода [7 и др.].

Можно различить два вида «смещения» со стороны интервьюера: в результате сознательной фальсификации данных и без прямой фальсификации. Последний вид обусловлен различными причинами психологического и профессионального характера: от недостаточной опытности интервьюера до неподходящего темпа его речи, специфики его внешности, гендерной принадлежности и т. п.

Проблема, однако, заключается в том, что задачи интервьюера в открытом и стандартизованном интервью не совпадают. В первом случае человек выполняет функции озвучивающего вопросы устройства. Это трудно, так как в начале беседы необходимо установить контакт с респондентом, а потом сменить стиль общения на максимально отстраненный. Полностью нейтрализовать влияние интервьюера и устранить «смещение» данных не удастся.

В интервью качественного типа интервьюер, во-первых, часто сам является исследователем, а не промежуточным звеном. Во-вторых, метод снимает требование строгой объективности как практически неосуществимое. Логика неформализованного диалога иначе воспринимает и оценивает влияние интервьюера. Поэтому проблема «смещения информации интервьюером» здесь должна осмысляться по другим критериям.

Прямая фальсификация данных характерна для формализованного интервью. Некорректность связана с недобросовестностью интервьюера. В некоторых случаях виноват слишком тяжелый исследовательский инструмент. Типологию фальсификации интервью

интервьюером предложили немецкие социологи: полная, частичная и нарушение правил выборки [7].

Тотальная фальсификация — это самозаполнение вопросника модератором. При частичной интервьюер задает не все вопросы респонденту, сокращая время, необходимое для проведения беседы. Третий тип — полное проведение интервью, но не с людьми, запланированными в выборке, а со своими знакомыми, родственниками.

Резюмируя статью, следует отметить, что «смещенность» — сложная и многоаспектная характеристика первичных данных социологического исследования. Проблема может быть рассмотрена и в русле анализа надежности информации. Надеемся, что предложенный критерий позволяет отразить важные, а не второстепенные качества исходных материалов и социологической информации в целом.

Список литературы:

1. Альмодовар Ж.П. Рассказ о жизни и индивидуальная траектория// Вопросы социологии. М. — 1992. — № 2. — С. 98—106.
2. Белановский С.А. Глубокое интервью. М. 2010.
3. Биографический метод. История, методология и практика. М.: ИС РАН, 1994.
4. Мягков А.Ю. Всегда ли респонденты говорят правду?// Социс. — 2008. — № 9. — С. 20—31.
5. Прошкова З.В. «Текстовые лонгитюды» для исследования долговременных эффектов дошкольного образования/ Социология и общество. М.: РОС, 2012. 1 CD ROM. — С. 6153—6155.
6. Саганенко Г.И. Сопоставление несопоставимого: обоснование типа сравнительного эмпирического исследования на базе открытых вопросов. СПб.-Ольборг: Ольборгский Ун-тет, 1997. — 64 с.
7. Koch A. Gefaelschte Interviews: Ergebnisse der Interviewerkontrolle beim ALLBUS 1994// ZUMA-Nachrichten. — 1995. — № 36. — С. 89—95.

2.2. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛИЯНИЕ РЕКЛАМЫ НА ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Маслов Никита Владимирович

*аспирант кафедры социальных технологий
Белгородского государственного национального
исследовательского университета (НИУ «БелГУ»),
РФ, г. Белгород
E-mail: nikusha_kl@mail.ru*

Канищева Александра Владимировна

*студент факультета бизнеса и сервиса
Института экономики Белгородского государственного
национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»),
РФ, г. Белгород
E-mail: kanishcheva@bsu.edu.ru*

THE IMPACT OF ADVERTISING ON THE PROCESS OF FORMATION AND CHANGE OF VALUES OF MODERN SOCIETY

Maslov Nikita

*graduate student of social technologies
Belgorod National Research University,
Russia, Belgorod*

Kanishcheva Aleksandra

*student of business and services department
Belgorod National Research University,
Russia, Belgorod*

АННОТАЦИЯ

Цель исследования — определить роль рекламы в формировании ценностных установок общества. Для достижения данной цели был

проведен анализ рекламных сообщений на предмет ценностных установок. В настоящее время реклама является фактором социализации и ресоциализации личности. Она ориентирована, прежде всего, на продвижение и популяризацию материальных ценностей, что обусловлено всепроникающей коммерциализацией современной жизни. Воздействие рекламы на социокультурное пространство общества происходит через воздействие на процесс формирования и изменения ценностей.

ABSTRACT

The purpose of research — to determine the role of advertising in the formation of attitudes of society. To achieve this objective an analysis of advertising messages on the subject of attitudes was carried out. Currently, advertising is a factor of socialization and re-socialization of the individual. It focuses primarily on the promotion and popularization of wealth due to the pervasive commercialization of modern life. The impact of advertising on the socio-cultural space of society is through the impact on the formation and change of values.

Ключевые слова: реклама; ценности; социализация.

Keywords: advertising; value; socialization.

Эффективность коммерческой деятельности напрямую связана с ориентацией на потребителя. При разработке нового товара или услуги необходимо провести анализ потребностей потребителей, на основе которого можно будет сделать вывод о целесообразности нововведения, скорректировать свойства нового товара (услуги) с целью наиболее полного удовлетворения потребностей потенциальных клиентов. Проведя маркетинговый анализ рынка, можно разработать такой продукт, который не только будет пользоваться спросом, но и позволит компании развиваться, совершенствуя потребительские свойства новых товаров и услуг. Однако, для доведения товаров до потребителя необходимо эффективное функционирование механизма рекламной деятельности предприятия. Реклама и стимулирование должны быть направлены на то, чтобы показать все свойства продукта, которые способны удовлетворить потребительскую потребность лучше, чем аналогичные товары и услуги [1, с. 3—16]. В связи с этим производители в погоне за потребителями готовы производить огромное количество рекламы, которая зачастую не только вводит потребителя в заблуждение, но и влияет на сознание клиента и общества в целом.

Массированная реклама призывает потребителей не только немедленно стать обладателем товара или услуги, но и влияет на его мировоззрение и ценностные установки. Реклама, направленная на продвижение конкретного товара или услуги, может сформировать у потребителя приверженность к таким материальным ценностям как: меркантильность, вещизм, культ наслаждений, вседозволенность и стремление уйти от ответственности, эгоизм, превосходство и прочие. Поэтому с одной стороны, реклама помогает производителям продвигать свой товар и стимулирует торговлю, но с другой стороны — способствует нравственной деградации и разрушению духовной сферы общества.

Актуальность темы публикации обусловлена необходимостью исследования влияния рекламной деятельности на сознание потребителя и формирование ценностных установок общества, на которое направлена рекламная компания. Цель исследования — выделить в рекламных сообщениях ценностные установки и определить их категории. Для достижения данной цели был проведен анализ рекламных сообщений на предмет ценностных установок.

В современном мире реклама стала объективным компонентом социокультурного пространства. Реклама является как неотъемлемым компонентом рыночного механизма, нацеливающего человека на удовлетворение материальных потребностей, так и самостоятельным информационным ориентиром общества, отвечающим потребностям социализации личности, регулирования поведения людей, выработки жизненных приоритетов, ценностных установок и формирования картины мира [3, с. 59]. В этом аспекте реклама выступает как составной элемент массовой культуры, способствующий стандартизации и нивелированию современной жизни и сознания людей. Сегодня реклама является одним из факторов воспитания современного человека, способным формировать для конкретной общности людей культуру с присущими ей нормами, представлениями, ориентирами и ценностями, позволяющими выбирать конкретную модель поведения и соответствовать определенному статусу и ожиданиям.

В настоящее время реклама является фактором социализации и ресоциализации личности. Она ориентирована, прежде всего, на продвижение и популяризацию материальных ценностей, что обусловлено всепроникающей коммерциализацией современной жизни. Воздействие рекламы на социокультурное пространство общества происходит через воздействие на процесс формирования и изменения ценностей. Этот процесс отражает ценностно-ориентирующую функцию рекламы. С одной стороны, рекламные сообщения обращаются

к приоритетным для конкретной социокультурной ситуации ценностям и смыслам, чтобы стать близкой и понятной для всех людей, что способствует определенной унификации и однородности общезначимых смыслов. С другой стороны, реклама задает новые жизненные приоритеты, формирует новые потребности, демонстрирует готовые модели поведения и образцы для подражания, актуализирует значение понятий статуса, престижа, моды, выступая таким образом в роли мощного фактора обновления и трансформации ценностей современного общества.

Активно поддерживаются и развиваются усилиями рекламы наиболее популярные известные и разделяемые современным обществом ценности, такие как материальное благополучие, уютный быт, меркантильность, культ развлечений, неограниченность потребления, собственное благополучие и т. д. Ценности, которые не находят отражения в рекламных сообщениях, постепенно утрачивают свою важность и значимость для общества. Следует отметить, что воздействие рекламы на процесс формирования и изменения ценностей влечет за собой закономерную подмену духовных ценностей материальными, что способствует деградации разрушению духовной сферы общества [2, с. 34].

На основании вышеизложенного можно заключить, что современное социокультурное пространство является информационным обществом, в условиях которого информация становится одной из основных ценностей личности. Рекламная информация превращается в важнейший ресурс, влияющий на процесс гармоничного развития человека и формирования ценностных установок и мировоззрения личности. В связи с этим необходимо отметить особую роль рекламы в процессе социализации личности. Роль рекламы в становлении человеческого мировоззрения не должна быть недооценена. Следует принимать во внимание ценностно-ориентирующую функцию рекламы, как одну из основополагающих функций, проявляющуюся во влиянии на восприятие человеком окружающей действительности и формированию у него собственной картины мира.

Традиционные ценности духовной сферы общества не должны быть подменены материальными ценностями, активно пропагандируемыми рекламой. Рекламопроизводители должны принять во внимание значение рекламы в современном мире. Качественная и добросовестная реклама будет работать не на временные ценности, диктуемые обществом потребления, а на формирование зрелой личности через выработку важных личностных качеств таких как умение сделать осознанный выбор, твердость и объективность, способность

выбрать рациональное зерно среди огромного потока рекламной информации.

Список литературы:

1. Котлер Ф. Маркетинг в условиях сетевой экономики / Ф. Котлер // Маркетинг и маркетинговые исследования в России. М.: ИНФРА, — 2011. — № 2. — с. 2—19.
2. Мишулин Г.В., Глушакова А.М. Возрождение историко-культурных традиций российской рекламной среды как альтернатива издержкам глобализации / Г.В. Мишулин, А.М. Глушакова // Реклама и право — 2007. — № 1. — С. 33—36.
3. Пидшморга Ю.В. Механизм взаимодействия рекламы и массового сознания современного общества [Текст] / Ю.В. Пидшморга // Вторые аспирантские чтения: Сб. материалов научной конференции. Краснодар, 2007. — С. 58—62.

2.3. СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ПИСЬМО ПОППЕРУ: АЛЛЕТЕЙЯ ОТКРЫТОСТИ ЧЕРЕЗ СУВЕРЕНИТЕТ ЛИЧНОСТИ ПУТЬ В УТОПИЮ ИЛИ К НОВОМУ МИРУ?

Вздорова Людмила Павловна

*соискатель кафедры уголовного процесса
Южный Федеральный Университет,*

РФ, г. Ростов-на-Дону

E-mail: ljudmila8725@rambler.ru

SOVEREIGNTY OF FREEDOM OF HUMAN RIGHTS

Vzdorova Lyudmila

*applicant of criminal procedure, criminology
and operational-search activity Southern Federal University,
Russia, Rostov-on-Don*

АННОТАЦИЯ

Статья написана в форме письма известному социологу и философу Сэру Карлу Раймонду Попперу (нем. Karl Raimund Popper; 28 июля 1902—17 сентября 1994) о проблемах открытости на фоне развития концепции суверенитета личности.

ABSTRACT

The article is written in the form of letters of the famous philosopher Karl Popper problems of openness on the background of the development of the concept of the sovereignty of the individual.

Ключевые слова: открытое общество; открытое государство, суверенитет личности; свобода права человека; границы права; права человека; свобода.

Keywords: the open society; open state; sovereignty of the individual; freedom of human rights; the boundaries of law; human rights and freedom.

*У каждого человека есть право собственности
на свою личность.
Джон Локк. Трактат о двух правлениях [6]*

Здравствуйте, Уважаемый Карл. Я пишу Вам свое третье письмо, ровно через год после предыдущего. Как исследователю мне невозможно не поделиться с Вами, о том, как стремительно развивается и меняется наше общество, и трудно представить, что Вы снова не сможете это узнать и мне ответить. Как и прежде, спустя почти 70 лет после Вашего знаменитого труда «Открытое общество и его враги» [7], основой всего остается человек и права последнего на свободное открытое существование. Человек как никогда важен для нашего настоящего и сущего, и чтоб подчеркнуть глубину этого утверждения, именно он как Вы уже вероятно догадались, и будет основной темой моего письма.

Наверное, все предугадать никто не в силах, ведь будущее закрыто тайной времени, и в этом трудна к оспариванию Ваша позиция, а видеть то, что свершается в настоящий момент, ничуть не легче, ведь «большое видется на расстоянье» [3], отсюда оспоримы мои суждения; вновь намертво связаны, в условиях невозможности дискуссии, разделяемой временем на вынужденный монолог, мои выводы на Ваши умозаключение не будут догматическими, а Ваши тезисы останутся столь непоколебимыми, как и прежде.

Всего за год, Уважаемый Карл, человек его права и свободы сыграли особую роль на мировой арене негласного противостояния, и поразительно то, что завоевав статус основного игрока, индивид стал более незащищенным, чем в условиях, когда последний, абстрагировался как общественное состояние группы, и не привлекал столь пристального внимания.

Что сулит нам история, ту «нищету историцизма» [8] или «афинскую демократию» [8, с. 80] о которой в свое время писали Вы, бесконечную открытость, как говорил когда-то Шеллер [12, с. 45], веря в то, что пределы последней не имеют границ, или антиглобализм, который противопоставит человека открытости — пока неизвестно.

Думаю, Вы не откажетесь, что от того чтобы предугадать, что готовит нам будущее, необходимо попробовать найти первопричину настоящего, ведь еще Парменид [5], упоминал о существовании закона бытия, который предопределяет все сущее на земле и является основой представления, лишенной покрова тайны, подобно древнегреческой богине истины Алетейи. Позднее схоласты противопоставляли греческой истине первопричине, римскую истину познания *veritas*,

основанную на разуме, и многие терялись в спорах, что важнее, и что устанавливает ход развития событий. Возможно и нам с Вами, мой уважаемый друг, стоит найти свою истину первопричину открытости — алетею, абсолютно не связанную с познанием людей, иными словами архетип бытия, не охваченный разумом индивидов, на сей день.

Аллетейю найти не так- то просто, и поэтому мы пойдем методом наблюдения изменения фактов социального проявления, ведь ещё со времен Диогена и по сей день, этот метод, считается одним из ведущих в мире. Известно мне то, что общество сейчас находится в состоянии одновременно открытой и закрытой неопределенности. В связи с этой временной смутой в ситуации, когда деглобализация размыта открытостью, рождается некая правовая обособленность самого человека, на которой мне бы и хотелось сделать акцент, и назовем мы её, для уточнения ситуации суверенитет личности.

Суверенитет личности или гражданина, о котором я буду писать, весьма сложное и неопределенное понятие, и пока в полной мере не обладает общепризнанностью своего существования в науке, что вызвано неординарностью и особенностью отношений складывающихся в вышеуказанном вопросе.

Достаточно веские основания имеются у всех сторон к этому вопросу, тех, кто за и против принятия данного явления как свершившегося общественного факта. С точки зрения открытости, ситуация в этом споре очень неоднородна, сложна она и тем фактом, что в мир переживает очередной виток своей экзистенции, что вызывалось сменой парадигмы восприятия на транспарентное, происходящие в ломке между всеми существующими технологическими укладами на фоне появления первых предпосылок шестого технологического уклада сопряженного с деглобализацией пространства. Как не вспомнить, Вашего коллегу Шеллера [12], в этом вопросе о человеке и открытости, и его знаменитые тезисы: с одной стороны, мир становится настолько открытым, насколько может стать открытым человек, а с другой, открытости в своих пределах может быть бесконечной, и этой бесконечности противопоставляется человек, как единственный возможный измеритель границ.

Человек как основной субъект нового мира постепенно меняет свой статус открытости во всех проявлениях, что даёт ему силу и возможность для свободного потока траекторий, и в то же время абсолютную незащищенность: стирание в бесконечности информационной открытости самого себя, включая права на возможность выбора и границы доступности; следствием данных предпосылок

выступает появление и формирование рамочных условий существования сведенных к стандартным рамкам поведения и взаимодействия, и главный образ сосуществования, что ограничивает выбор при безграничной возможности произвести таковой, а право как таковое станет глобальным измерителем идентичностей.

Но это ещё далеко не все, Уважаемый Карл, ведь параллельно с этим процессом уже нарастает имеющая предпосылки иная тенденция, антагонистическая по своей природе и содержанию глобализации и основному её атрибуту открытости — деглобализация. Антиглобализм интересен тем, что не представляет, именно ту закрытую систему общества, о котором когда-то писали Вы, а зарождается как явление, изначально отрицающее абсолютную открытость как таковую. Привлекает этот сценарий уже тем, что отрицает абсолютную всеобъемлющую открытость, ратуя за интересы индивида в плане его личного пространства и проблем этического выбора открытости всего и всех. Антиглобализм ещё будет формировать иные формы общественного сосуществования, и пока об этом судить ещё достаточно рано, но отчасти элементы выше упомянутого можно рассмотреть и в наше время: как транспарентности отчасти противопоставляется индивид, с элементами зарождения протоформ закрытости личного пространства человека.

Именно на балансе хаоса открытости до бесконечных пределов, и антиглобалистической смуты, которые ещё предстанут совершенно в ином свете, будет необходим иной подход к индивиду, где одновременно последний сможет стать открытым и глобальным — обладая признанием своего суверенитета, а в другое время, он будет иметь суверенитет, для того чтобы стать обособленным от множества идентичной и защитить своё я.

Какой процесс открытости, или закрытости окажется в приоритете, и подавит противоборствующую волну общественных отношений, хоть и при преимуществе первого явления на котором сейчас сделан акцент общественного мнения и исторического процесса, пока неизвестно, понятно лишь одно, что человеку будет нужно на время социальной встряски защита своих прав.

Хотелось бы отметить, Карл, что появление и проявление всё чаще на поле различных взаимодействий человеческого сосуществования, такого понятия как свобода суверенитета прав человека, обусловлено также фактами глобальных тенденций, которые достаточно часто вмешиваются в многообразные конструкции в общественных отношениях, касаясь не только видоизменений форм социальных

коммуникаций, но и самым главным образом статуса субъекта этих отношений — человека.

Одним из основных факторов выступает построение международным сообществом однообразного режима для осуществления всеми индивидами своих прав, вне зависимости от принадлежности к нации, национальности, религии и т. д., и тем более государству, путем установления единых условий для реализации личности своих прав в том или ином государстве, посредством глобальных инструментов.

Права человека в столь открытом мире приобретают особую значимость, вследствие чего требуется некая обособленность индивида в свободе и реализации предназначенных ему прав суверенитетом личности, дабы не потерять самоидентификацию и возможность на защиту своего статуса; что порождает стабильность, но не застой, в развитии такого явления как суверенитет прав человека.

На фоне процессов открытости, права человека должны приобретать такую роль, которая бы выделяла личность не только как особый субъект, а возможно и новый независимый открытый объект парадигмы. Открытость может дать больше в свободе права человека, и тем более суверенитету прав, но тем временем не должна поглотить и размыть его права в своем обилии, которое всё чаще сводятся к абсурдности и бесполезности информационной бесконечности с выведением в качестве решения среднестатистическую ситуацию как ответ на любой вопрос, в том числе и о правах той или иной личности. Суверенитет прав человека в рамках открытости не должен дать обезличивание, это дополнительный ресурс, который может выделить человека и показать его место в глобальной массе, его принадлежность к той или иной правовой системе и государству, которое легально устанавливает закон.

Среднестатической ситуации в праве не существует ровно также, как и универсальной демократии, а даже апелляции к казуальной прецедентной гуманистике равны нулю, если это напрочь противоречит внутреннему суверенитету человека того или иного государства, иными словами ограничение суверенитета извне.

Для наиболее эффективного коммуницирования, необходимо начать понимать, что у человека есть неотъемлемые права и независимость последних настолько велика и незыблема, что походит на суверенитет, словно он бы принадлежал целому государству, а не одному человеку, а суверенитет прав словно выступает парадигмой правового бытия человека, говоря не только о неотъемлемых правах даруемых от природы, но и о правовом сознании, ментальности и др.

Международное сообщество должно научиться понимать и принимать человека как целую принадлежность тому или иному государству,

а индивида как носителя суверенитета последнего, и с этим невозможность распоряжаться с легкостью принципами уравнительной демократии сопряженным со стандартизацией понятий правового государства. Суверенитет прав дан человеку для выражения его свободы, в многообразных сферах антропологического взаимодействия, и вмешиваться в суверенитет того или иного индивида, может быть приравнено к его ограничению или искажению понятий о правовом обществе.

В вопросе открытости и государственных режимов, нельзя не отметить, что Вы, как и многие глобалисты, сейчас ратуете за то, что демократия является одной из основных форм успешно сочетающейся с процессом открытости, что позволяет выступить упомянутому режиму идеальным мерилom государственного управления, который должен содействовать построению правового государства и гражданского общества.

Данная точка зрения является довольно спорной, мой Уважаемый друг, и в то же время в настоящее время общепризнанной; но нельзя забывать, что будь то демократия, или иной режим, инструментарий данного процесса не может быть предназначен для целей упразднения свободы суверенитета прав человека, какая бы последняя не была, в каких бы формах и образах не проявлялась, при ином раскладе демократия будет введена насильственно нарушив основной принцип свободы прав человека, а нарушив данный принцип, потеряет своё предназначения и основные свойства, создав априори невозможность построения правового государства и гражданского общества; но демократия далеко не единственный путь, который может привести к правовому государству и гражданскому обществу, словно одно является следствием другого и при иных режимах государственного управления подобный результат не возможен.

С течением времени свобода суверенитета прав человека будет становиться, всё актуальное для самого индивида, ведь на фоне глобальных тенденций и в правовой сфере всё будет больше и больше сводится к идентичности и равенности в выражении своих прав, свобод и обязанностей, поражая тем самым иное пространство — пространство правовой самоидентификации и принадлежности человека к той или иной культуре, ментальности, религии, и в конце концов нормативному выражению возможных и допустимых границ поведения — правовой системы.

Незащищенность самоидентификации правовой основы суверенитета человека приведёт к потребности в защите выше указанного и признания со стороны иных субъектов данного явления, и главное,

чтобы это потребность была легальной, а не выходила на латентное поле, оставаясь при этом вполне реальной основой правового сознания. Ведь суверенитет прав человека в парадигме транспарентности важен тем, что с одной стороны подчеркивает правую роль человека и обособливает его, а с другой стороны он делает это на фоне открытых процессов, вследствие чего последний становится очевиден для всех.

Совсем иная ситуация складывается при рассмотрении вопроса суверенитета прав человека на фоне усиливающихся процессов деглобализации. Как уже было отмечено выше в статье, помимо бесконечной транспарентности как эфемерной унифицированной траектории развития событий, начинает формироваться процесс, имеющий противоречие к вышеуказанному: действие порождает противодействие, открытости противостоит закрытость, а глобализации — деглобализация.

Суверенитет прав индивида отчасти является элементом стабильности, отчасти неравновесности и дискретности, что лишь добавляет ему возможности для маневра между открытостью и закрытостью. Карл, нет единственного правильного и возможного пути, так и не бывает единой картины мира, параллельно с открытостью будет существовать закрытость, любая система, которая является сложной, содержит в себе совершенно различные подсистемы, в том числе и закрытые, и где-то на балансе между ними находится её неравновесное содержание; а бесконечное число неопределённостей порождает ситуацию должностования хотя бы одной определенности, которой и может выступит человек с суверенитетом своих прав.

Суверенитет прав человека – это совершенно иной подход к правам у индивида: более детальный, обширный, соединяющий в себе правосознание, заключенное в нормативную основу, с элементом отражения человека в государстве, что придает гражданину свободу, независимость и одновременно защиту своих прав. Однако это вовсе не означает то, что государственный суверенитет уходит в прошлое, теряет свою юридическую силу, либо становится не столь актуальным для общественности; последний означает то, что человеку требуется дополнительное признание и защита в мире межгосударственных и межтранс-национальных тенденций.

Признание суверенитета у граждан того или иного государства, к которому они относятся, означает защищенность его индивидов, так как именно граждане являются непосредственным носителем и выражением данного атрибута, ставя в взаимоисключение невозмож-

ность существования суверенитета хотя бы у одного из вышеупомянутых, а ситуация абсолютного бесправия невозможна.

Суверенитет личности является закономерным продолжением суверенитета государства, иными словами гарантией соблюдения прав и свобод индивидов, как при международном взаимодействии, так и внутри государства, то есть реализация на балансе между открытостью и антиглобализмом, возможно и есть новая форма гражданского сосуществования.

Новая форма гражданского сосуществования, которая предполагает появление следующей идеализированной модели правового государства, где человек является следствием суверена государства, государство проявлением человека, а структура гражданского общества находится в непосредственной причинно-следственной связи от правового государства также претерпевает изменения, и человек становится нечто большим, заверяя свой статус признанием со стороны государство и иных международных институтов важности его прав и свобод. Речь идет не о банальном признании прав человека, а о новой ступени развития коммуникации индивидов, следующей ступени, отличительной чертой которой является существования неразрывной связи, единого организма в триаде индивид-общества-государства, минуя среднее звено.

Правовое государство, в своем определении пусть где-то и бессмысленно, ведь государства без права существовать не может, но с другой стороны позволяет отмечать важность данного явления как равноценного целому государству, а признание дополнительно прав человека как высшей цели, равной суверенитету его государству, является ничем как очередным этапом в представлении человечества о свободе и равноправии.

Как одна из сторон проявления суверенитета человека, выступит решением проблемы размывания и потери суверенитета государств при международном взаимодействии в последние время, где суверенитет личности будет дополнительным регулятором про внутренней и внешней коммуникации индивидов как внутри государства, так и вне.

С другой стороны, суверенитет выступит некой привязкой гражданина к тому государству, следуя за ним, и наполняя необходимыми правами и свободами правовое пространство, даруемое личности, в связи с принадлежностью к тому или иному государству.

Признание суверенитета у человека сможет стать следующей стадией и в развитии человеческого общества, понятий о правовом государстве и многих других сопряженных вещах, ведь именно идеальное правовое государство содержит априори, которое

заключается в том что, у её граждан имеется суверенитет и частица самого государства.

Свобода права человека является неотъемлемым выражением суверенитета личности, независимого от будущей сулящей большинством открытости, или деглобализации пространства как такого.

Заканчивая своё письмо, мне не хотелось, чтобы Вы, Карл, думали будто суждения мои обречены, а эстетический морализм занял центральную роль в этом очерке, поэтому покорно прошу Вас дочитать ещё пару важных строк, и заранее прошу прощения за то, что отнимаю столько времени.

Противоборство между открытостью и закрытостью, глобализмом и деглобализацией должно сформировать новый путь развития общества, основой которого выступит признание суверенитета личности в рамках умеренной открытости, заключающей в себе соблюдение нерушимых границ прав и свобод человека, и сохранит проблемы этики, которую может нарушить стремление к абсолютной открытости.

Суверенитет личности будет алетеей нового мира открытости, и даст истину, заключающуюся в гуманизации, по мере ограничения абсолютных идей открытости до «бесконечных пределов», дабы сохранения статуса человека у человека.

Поймите, Уважаемый друг, что алетейя открытости мира и признания человека особым звеном вовсе не утопия, как может показаться на первый взгляд, призывающая за мир во всем мире и равенство прав индивидов, а другой подход к рассмотрению человека и признания его особого пространства, иными словами суверена личности. Этот мир должен принять человека, как основного элемента открытого общества, но это абсолютно не означает, что будет торжествовать всеобщая справедливость, под девизами «афинской демократии», а означает, что у индивида будет его место в правовой картине открытости, которая пока лишь начинает свою зарисовку.

Список литературы:

1. Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. Московское научное издательство. 1919 г.
2. Всеобщая Декларация прав человека 10.12.1948 года [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=120805> (дата обращения 20.06. 2014 г.).
3. Есенин С. «Письмо к женщине» 1924 г.

4. Конвенция о рабстве от 25.09.1926 года [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.wdl.org/ru/item/11573/> (дата обращения 15.09.2014 г.).
5. Лебедев А.В. Парменид // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Стёпин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010.
6. Локк Д. «Два трактата о правлении» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: prapages.bspu.by/obschixxi/source/1014.html книга 2 гл.5 «О собственности» п.27 (дата обращения 10.11. 2014 г.).
7. Поппер К. «Открытое общество и его враги» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.negentropy.ru/myroot/biblio/philosophy/open_society/popper.pdf (дата обращения 25.12.2013 г.).
8. Поппер К. «Нищета историцизма» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [//www.evolkov.net/PopperK/Poverty.of.Historicism/](http://www.evolkov.net/PopperK/Poverty.of.Historicism/) (дата обращения 11.11.2014 г.).
9. Ратцель Ф. Народоведение Проф. д-ра Фридриха Ратцеля, типография Товарищества «Просвещение», 7 рота, 20 стр.795 1903 г.
10. Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. М.: Юристъ, 2001. ISBN 5-7975-0429-4.
11. Vzdorova L., Монография, «Letter to Karl Popper on aspects of building the modern concept of “open government”». Письмо Карлу Попперу или аспекты построения современной концепции “открытого государства”, сборника «Modern socio-political processes in Russia, Europe states and in the World», Stuttgart, ORT Publishing, 2012. — 208 p.
12. Scheler M. «Die Stellung des Menschen im Kosmos», 1927.

2.4. СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

О СУЩНОСТИ КОНТЕКСТА СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Наумова Елена Вадимовна

*канд. социол. наук, доцент кафедры социальных коммуникаций
и социологии управления Новосибирского государственного
университета экономики и управления «НИИХ»,*

РФ, г. Новосибирск

E-mail: e_naumova@mail.ru

THE ESSENCE OF THE CONTEXT OF SOCIAL COMMUNICATION

Naumova Elena

PhD of Sociology, Associate Professor,

Department of Social Communication and Sociology of Management.

Novosibirsk State University of Economics and Management,

Russia, Novosibirsk

АННОТАЦИЯ

Из всех проблем социальной коммуникации, наиболее сложной является проблема «контекста». Получатель может извлечь из сообщения не тот смысл, который был заложен в него отправителем. Объяснить этот феномен позволяет «социальное действие», особым видом которого является «социальная коммуникация». По мнению автора, главную роль в формировании контекстов коммуникации играют конфликты и мотивы получателя сообщения, которые также являются особыми видами «социального действия».

ABSTRACT

The «context» is the most difficult problem of social communication. The recipient can extract such meanings from the message which was not contained there. The «social action» can explain this phenomenon, because the «social communication» it is a special kind of «social action». The author considers, that the recipient's conflicts and motives it is a main

factor in shaping the contexts of communication. These conflicts and motives are also is the special kinds of «social action».

Ключевые слова: социальная коммуникация; контекст; социальное действие.

Keywords: social communication; context; social action.

Коммуникация представляет собой один из наиболее сложных объектов для социологического теоретизирования. Эта сложность обусловлена как объективными, так и субъективными факторами. Объективным фактором является неоднородность участников коммуникации, которыми могут быть как индивиды, так и надындивидуальные субъекты (группы, социальные институты), отличающиеся механизмами извлечения смысла из получаемых сообщений. Субъективным фактором можно считать традицию представления коммуникации как целенаправленного процесса передачи и приема некоторой информации (текста, звука, изображения), берущую свое начало в линейных моделях Г. Лассуэлла, К. Шеннона и У. Уивера и с некоторыми изменениями воспроизводимую во всех моделях массовой коммуникации [1].

В зависимости от критерия оценки результата, различают «техническую» и «социальную» (убеждающую) коммуникации. Техническая коммуникация считается успешной, если на стороне получателя удастся точно воспроизвести форму сообщения — текст, звук, изображение — которое было послано отправителем. Соответственно, главная проблема технической коммуникации — это устранение влияния помех, возникающих в канале передачи сигнала и безошибочность функционирования систем преобразования сообщения в сигнал (кодирование) и обратного преобразования сигнала в сообщение (декодирование).

Целью социальной коммуникации является побуждение получателя сообщения к совершению желательного для отправителя сообщения действия (покупке товара, голосованию за определенного кандидата), либо отказу от совершения «нежелательного» действия. Поэтому, критерием успешности социальной коммуникации является фактическое поведение получателей сообщения — рост продаж, количество проголосовавших и т. п. А главная проблема социальной коммуникации — извлечение получателями сообщения именно того смысла, который отправитель в это сообщение вложил. Проблема искажения смысла обнаруживает себя в коммуникации не только индивидов, но и групп, и социальных институтов. Например, суд

выносит приговор по уголовному делу, а бизнес реагирует на это сокращением инвестиций и бегством капиталов. Или несколько стран в ходе военной операции создают независимое государство на чужой территории, а потом протестуют, когда другая страна аналогично ведет себя с соседями.

Все эти примеры объединяет несоответствие фактической и ожидаемой реакции участников коммуникации. В частности, все получатели информации извлекли из наблюдаемых событий совсем не те смыслы, которые декларировались инициаторами коммуникации. Этот феномен получил в теории и практике коммуникации название «контекста». По мнению автора, проблема контекста социальной коммуникации является ключевой как в теоретическом, так и в прикладном плане. Для теории социальной коммуникации главный интерес представляет механизм замещения смысла отправителя сообщения смыслом получателя. Для практики коммуникации желательнее понять, каким образом получателями сообщения становятся «посторонние» субъекты, которым данное сообщение не было адресовано, и на реакцию которых отправитель сообщения не рассчитывал.

В настоящее время, проблема контекста находится на периферии интересов исследователей в области теории коммуникации. Причиной такого положения является, по мнению автора, неопределенность как самих факторов, выполняющих роль контекста, так и условий, актуализирующих эти факторы в каждом конкретном событии коммуникации. Например [1], Г. Гербнер контекстом считал «случайные помехи, импульсивность, привычки аудитории»; по мнению Д. Трэйси, контекстом для отправителя сообщения может быть «давление законов или других форм принуждения»; для К. Ховланда контекстом получателя сообщения является «ожидание вознаграждения». Наиболее активно и детально контекст изучается в рамках лингвистического подхода [2, с. 147—152]. Однако применение созданных в рамках этого направления моделей весьма проблематично из-за большого количества влияющих факторов и отсутствия способов оценки вклада каждого фактора в результат коммуникации в условиях конкретного коммуникационного эпизода.

По мнению автора, главным препятствием при определении сущности контекста социальной коммуникации является неадекватность «транспортной» коммуникационной модели. Коммуникационные процессы могут иметь структуру, отличную от моделей Г. Лассуэлла и К. Шеннона. Опыты по «факультативному имитационному научению» показали, что в ходе наблюдения у животных-зрителей (крыс, кошек, собак, обезьян) формируются навыки выполнения

определенных действий. Дети также обучаются многим вещам, наблюдая за действиями окружающих. По своему результату (побуждение к выполнению действия), такое обучение, несомненно, является социальной коммуникацией, несмотря на отсутствие отправителя сообщения, и специального канала передачи информации. То есть, «транспортная модель» содержит избыточные для социальной коммуникации элементы и отношения, что не способствует выявлению сущности «контекста».

Автор считает, что проблема контекста может быть решена с помощью «социального действия» [5], особым видом которого является социальная коммуникация [8]. Социальное действие, как его понимает автор [5], это информационная деятельность субъекта (индивида, группы, социального института), который анализирует некоторое событие (или чье-то действие) и формирует собственные представления о том, что можно (фактор свободы), и чего нельзя (фактор необходимости) при возникновении такого события (или выполнении этого действия). Эти представления субъекта могут формироваться либо путем накопления собственного опыта, либо заимствованием чужого опыта. Социальная коммуникация — это способ формирования связанных с некоторым событием факторов свободы и/или необходимости субъекта, без непосредственного участия субъекта в этом событии [8]. Социальная коммуникация в принципе не способна дать субъекту такую же полную и достоверную информацию о событии, как собственный опыт. Более того, целью источника информации может быть формирование у субъекта заведомо не соответствующих действительности факторов свободы и необходимости. Эти особенности социальной коммуникации и порождают феномен контекста. Воспринимая информацию, надежность которой часто невозможно проконтролировать, социальный субъект пытается извлечь из нее такие смыслы, на которые он может опереться в принятии ответственных решений. Г. Маркузе [3] считал, что «контекстом» выступает весь индивидуальный опыт субъекта: «...всеобщий, более широкий контекст, в котором люди говорят и действуют и который придает смысл их словам ... контекст опыта, ... действительный эмпирический мир..., в котором конкретные субъекты получают свой действительный смысл». Однако субъекты не могут постоянно использовать в практике общения весь «действительный эмпирический мир». Должен существовать механизм ограничения количества сущностей, привлекаемых субъектом в каждом конкретном случае для осмысления получаемой информации.

Для определения этого механизма рассмотрим высказывание, в котором сущность контекста коммуникации выражена наиболее отчетливо. Это известный афоризм А. Бабеля: «если тебя хвалит враг — значит ты сделал глупость». «Врагом» называют субъекта, с которым находятся в антагонистическом конфликте. Считается, что одобрение врага могут вызвать только такие действия, которые делают его сильнее, а его противников — уязвимее. Таким образом, суждение о «глупости» основывается на предположении, что своими действиями мы усиливаем врага, нанося вред себе. То есть, контексты порождаются конфликтами, в которых участвуют «коммуникаторы».

Автор считает, что наряду с конфликтами в формировании контекстов коммуникации участвуют мотивы социального субъекта. Причем, как конфликт, так и мотив, являются особыми видами «социального действия». Конфликт возникает из-за нежелательного для субъекта изменения факторов свободы и необходимости [4; 6], а мотив — из-за отсутствия желательных для субъекта изменений этих факторов [7]. Из потока собственных наблюдений и поступающих сообщений социальный субъект (индивид, группа, социальный институт) пытается извлечь информацию, которая может как-то отразиться на его факторах свободы и необходимости в настоящем или будущем. Чем разнообразнее и сложнее отношения субъекта с окружающей средой, тем больше у него конфликтов и мотивов. В поступающей информации, субъект ищет смыслы, связанные с развитием существующих конфликтов и возникновением новых. Причем, чем выше субъективная цена вовлеченных в конфликты факторов свободы и необходимости субъекта, тем весомее их роль как контекстов социальной коммуникации. Кроме конфликтов и мотивов самого субъекта, роль контекстов часто выполняют конфликты и мотивы окружающей среды, в которые субъект может оказаться вовлеченным, а также мотивы источника и канала информации, которые могут исказить сведения с целью столкновения чужих интересов для достижения собственных.

По мнению автора, «социальное действие» и все его особые виды (конфликт, мотив, коммуникация) являются субъективной реальностью, которая без субъекта (индивида, группы, социального института) не существует. Такой же субъективной реальностью являются контексты коммуникации. Социальная коммуникация — это не транспортировка сообщений или смыслов от источника к получателю. В этом ее принципиальное отличие от массовой коммуникации. Субъектом социальной коммуникации может стать любой индивид, группа или социальный институт, которому стало известно о некотором событии или чем-то

действии. При этом у субъектов могут активизироваться самые неожиданные контексты и формироваться непредсказуемые конфликты и мотивы, влияющие на поведение этих социальных субъектов.

Список литературы:

1. Жукова Я., Ширков Ю. Модели массовой коммуникации. // Научный отчет. М., Гостелерадио СССР, 1989.
2. Макаров М.Л. Основы теории дискурса.// М.: «Гнозис», 2003., — 280 с.
3. Маркузе Г. Одномерный человек // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Издво МГУ. 1994. — С. 121—146.
4. Наумова Е.В. Социальный конфликт как элемент технологии социального управления. // Вестник НГУЭУ. — 2012. — № 4., — С. 197—206.
5. Наумова Е.В. Тезисы о сущности и структуре социального действия. //Сб. Социальные взаимодействия в транзитивном обществе: Сборник научных трудов/ Под ред. д.э.н. М.В. Удальцовой. Новосибирск НГУЭУ, — 2007. — Вып. 9. — С. 11—20.
6. Наумова Е.В. Тезисы о сущности социального конфликта. //Сб. Социальные взаимодействия в транзитивном обществе: Сборник научных трудов/ Под ред. д.э.н. М.В. Удальцовой. Новосибирск НГУЭУ, — 2008. — Вып. 10. — С. 78—88.
7. Наумова Е.В. Тезисы о сущности социального мотива. //Сб. Социальные взаимодействия в транзитивном обществе: Сборник научных трудов/ Под ред. д.э.н. М.В. Удальцовой. Новосибирск НГУЭУ, — 2009. — Вып. 11. — С. 59—69.
8. Наумова Е.В. Тезисы о сущности социальной коммуникации. //Сб. Социальные взаимодействия в транзитивном обществе: Сборник научных трудов/ Под ред. д.э.н. М.В. Удальцовой. Новосибирск НГУЭУ, — 2010. — Вып. 12. — С. 55—63.

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В НАРРАТИВАХ ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Окладникова Елена Алексеевна

*профессор кафедры социологии, факультета социальных наук,
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена*

РФ, г. Санкт-Петербург

E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

LABOR MIGRATION AND THE PROTEST MOVEMENT IN THE NARRATIVES OF RESIDENTS SANKT-PETERSBURG

Elena Okladnikova

*professor, Department of sociology, Herzen University,
Russia, St. Petersburg*

*Работа выполнена при поддержке РГНФ 2014—2016
«Толерантность в условиях транслокальных идентификаций:
социальное и этнокультурное измерения», проект № 14-03 00298*

АННОТАЦИЯ

Цель настоящей статьи представить результаты социологического исследования представлений жителей Санкт-Петербурга как культурной столицы России о внутригосударственном межэтническом конфликте (далее-ВГЭМК) с участием нелегальных трудовых мигрантов из бывших республик, выходцев с Кавказа, Средней и Центральной. В своих интервью жители города продемонстрировали: 1) дальнейший рост националистических настроений; 2) снижение толерантности в отношении «Других», «Чужих», Трудовых мигрантов»; 3) рост социального напряжения, включая высказывания против коррупции и этнической преступности.

ABSTRACT

The purpose of this article is to present the results of a sociological survey of citizens of St. Petersburg about a possible urban ethnic conflict (hereinafter - UEC), with the participation of labor migrants from Caucasus, Central and Middle Asia. Our respondents as citizens of megalopolis demonstrate: 1) further the growth of nationalist sentiments; 2) reduction of tolerance towards “Alain”, “Another”, “Enemy”, “Labor migrants”; 3) the growth of social tension, including speeches against corruption and ethnic crime.

Ключевые слова: внутригосударственный межэтнический конфликт; метод нарративного интервью; факторы социального напряжения; трудовая миграция; общественное мнение.

Keywords: intra-state ethnic conflict; the method narrative interviews; factors of social tension; labor migration; public opinion.

Трудовые мигранты, которые сегодня работают в Санкт-Петербурге — это выходцы из бывших республик Кавказа и Закавказья,

Средней и Центральной Азии. В одиночку, с семьями, друзьями они оказались в силу экономических причин: поиск заработков, организация и осуществление процессов этнической экономики и т. п., они сосредотачиваются в конкретных территориях мегаполиса, жизнь которых экономически обусловлена. Такими территориями являются рынки, строительные площадки, учреждения сервиса (ЖЭКи, автомастерские, и т. п.). Ещё в первом десятилетии XIX в. европейские социологи пришли к выводу, о том, что экономические и социальные принципы функционирования современного социума усложняются. Сегодня в России в силу интенсификации миграционных процессов наблюдается возникновение новых уязвимостей [3, с. 3—12]. Именно трудовая миграция сегодня стала тем фактором, который способствует усилению социального напряжения в условиях современного российского мегаполиса. Как показали события последнего десятилетия, социальное напряжение может приобретать форму открытого противостояния между автохтонным населением (как правило, идентифицирующим себя как русские, россияне) и представителями пришлого населения — определяемыми автохтонами как: 1) представители «кавказских и среднеазиатских диаспор»; 2) местного бизнес-сообщества (чеченцы, азербайджанцы, армяне); 3) трудовые мигранты (узбеки, таджики и др.). Наиболее известными столкновениями, реализовавшимися в форме городских межэтнических конфликтов (далее — МК) стали следующие: 1) Кондопога (2006); 2) Сагра (2011); 3) Пугачев (2013); Бирюлёво (2013) (рис. 1).

**Рисунок 1. 1) Кондопога; 2) Бирюлёво (район Москвы);
3) Пугачев; 4) Сагра на карте России**

Поводом для конфликтов на этнической почве может стать уголовный инцидент (убийство, воровство). Такой конфликт развора-

чивается между автохтонным населением города и трудовыми мигрантами (таджиками, узбеками, чеченцами, азербайджанцами и др.), большая часть которых — нелегалы. Такой конфликт является признаком усиления социального напряжения, которое, в свою очередь, поддерживается целым спектром кризисных явлений экономической политической и социальной жизни общества. Главная черта ВГМЭК — усиление интолерантности в общественных отношениях.

Таблица 1.

Признаки внутригосударственного и межгосударственного этнического конфликта

Признаки межэтнического конфликта	Внутригосударственный межэтнический конфликт	Межгосударственный этнический конфликт
Субъект конфликта	Социальные группы, слои, политические партии	Государства или коалиции государств
Предмет конфликта	Столкновение интересов групп разных социальных групп и борьба за доступ к благам и внутригосударственных ресурсам	Столкновение национально-государственных интересов на геополитической арене
Сфера действия и пространство протекания конфликта	Конфликт является продолжением внутренней политики государства	Конфликт является продолжением внешней политики государства.
Сфера влияния конфликта	Внутренние социальные отношения	Влияют на международные отношения
Угрозы разворачивания конфликта	Опасность беспорядков, погромов, а также проявлений разных форм геноцида одной социальной группы против другой, убийства мирных граждан	Опасность массовой гибели людей в странах-участницах и во всем мире.

Внутригосударственный межэтнический конфликт отличается от межгосударственного межэтнического конфликта (Табл. 1). Современные трудовые мигранты в России культурно, мировоззренчески, ментально значительно более, чем их предшественники эпохи СССР, дистанцированы от коренного населения мегалополисов. Современная трудовая миграция в России с Кавказа и из Средней Азии ориентирована на создание анклавной экономики [1; 2; 3]. В силу того, что эти люди не говорят по-русски, или говорят очень плохо, живут по своим правилам, часто проявляют агрессию в отношении местного

населения мегалополиса наши респонденты описывали их в терминах, близких к понятию «враг»: «Другие», «Чужие», «Нелегалы», «хачи», «чичмеки» и т. п.

Наши респонденты указывали на то, что эти «чужие», «другие», «нелегалы», т. е. трудовые мигранты, которые были втянуты теневыми этническими бизнес-структурами в МК¹, являлись представителями разных этно-национальных групп. Все они, по мнению респондентов, являются «выходцами с Кавказа и из Средней Азии», «связанными с этнической экономикой», «заинтересованными только в личном обогащении», «чужими». По мнению респондентов, МК возникал тогда, когда, так называемая критическая масса «чужих» в 2013 г. Бирюлёво превысила допустимые пределы (15 %). Именно эта «критическая масса» «чужих» начала устанавливать свои порядки, угрожая устоям жизни коренного населения. В результате в Бирюлёво возникло социальное противостояние. На такое понимание нашими респондентами причин Бирюлевского конфликта оказали влияние социально-экономические реалии, вызванные особенностями развития процессов трудовой миграции в XX в. Эти процессы были вызваны оживлением российской экономики, довольно быстро столкнувшейся с растущим дефицитом рабочей силы. Труд, в силу ряда причин (девальвации ценности труда, распространению культуры консюмеризма, разгрома системы образования, включая среднее профессиональное и т. п.) стал одним из самых дефицитных ресурсов. Постепенно Россия из страны-поставщика квалифицированной рабочей силы на Запад, превратилась в страну транзита трудовых мигрантов, а сегодня, как участница СНГ — в страну экспортер неквалифицированных этно-трудовых мигрантов. Последние представлены, в основном, выходцами из бывших республик СССР: Закавказья, Средней и Центральной Азии, а также Украины и Молдавии. Как показали социологические исследования [2] с явлением этно-трудовой миграции связаны многие негативные последствия: 1) усиление нелегальной миграции, 2) рост этнической преступности, 3) сложности адаптации этно-трудовых мигрантов к условиям жизни в обществе принимающей стороны, 4) коммуникативные проблемы (незнание русского языка, непринятие ценностей европейского урбанизированного сообщества и др.); становление феномена транслокальной идентичности.

¹ В качестве примера ими приводились конфликты в Бирюлёво, Пугачеве и др.

Характеристика респондентов. Многие наши респонденты (в основном, представители студенческого сообщества) были заранее ознакомлены с социологическими параметрами МК, его причинами и последствиями. Вопросы для интервью были заготовлены заранее. В контексте проблемного поля нашей работы мы использовали три группы респондентов разного возраста: молодежь (21—28 лет); людей среднего возраста (29—54 лет); людей пожилого возраста (60 лет и старше). Всего было проанализировано 26 интервью: в первой группе было взято 13 интервью, во второй — 10 интервью, в третьей — 3 интервью. Интервью проводились в Санкт-Петербурге в 2013 и 2014 гг.

Проблематика исследования. Рабочей задачей исследования стало выявление показателей, которые характеризуют переживания угрозы интенсификации современных процессов трудовой миграции в условиях российского мегаполиса — Санкт-Петербурга. Оказалось, что с этой угрозой у наших респондентов связано усиление чувства социального напряжения. Общая же программа исследования предполагала изучение нарративов, т.е. устных описаний факторов социального напряжения, возникающего в ситуации конфликта между представителем автохтонного населения мегаполиса, в частности, Санкт-Петербурга, и сообществами, которые в сознании автохтонов идентифицируются как «чужие», «другие», «приезжие», трудовые мигранты». Для детального анализа нарративов в качестве индикаторов уровня социального напряжения жителей мегаполиса в связи с МК нами были отобраны: 1) отношение респондентов к МК, 2) спектр их представлений о конфликтах такого рода, 3) мнение о причинах конфликта, 4) возможность участия респондентов в ВГМЭК, 5) отношение респондентов к русской националистической идеологии в контексте их представлений о МК; 6) отношение респондентов к феномену «трудовая миграция» и др.

Методика исследования. В качестве методики изучения мы использовали нарративное интервью как одну из распространенных стратегий качественного социологического исследования. Эта методика была удачно опробована в исследованиях социологов О.М. Масловой, В.М. Воронкова, А.С. Готлиб и др. Их работы показали, что жители мегаполиса не очень охотно готовы давать информацию о своих истинных помыслах и настроениях. Поэтому мы, опираясь на их наработки, для конструирования своих категорий анализа, применили в работе ещё одну стратегию, а именно: “grounded theory” американских социологов А. Стросса и Дж. Корбин [4].

Результаты. Данные, которые мы получили, используя нарративное интервью как метод исследования, представляют интерес в силу следующих особенностей: 1) личной формы изложения видения проблемы, 2) индивидуальности свидетельства, наполненного как субъективным, так и социальным содержанием, 3) возможности выявить уровень понимания людьми особенностей социальных процессов, которые происходят в современном российском обществе, 4) создать модель информационного образа общества, в котором мы живём.

Мнения респондентов по вопросам нашего исследования оказались в прямой зависимости от их возраста, географического региона проживания, типа их экономической активности, вовлеченности в политическую активность, иными словами: от факторов, оказывающих влияние на их существование. Все разнообразие мнений можно разделить на три группы:

1. (5 %) отрицают возможность ВГМЭК в Санкт-Петербурге. Эти респонденты полагают, что идею возможности такого конфликта раздувают СМИ и «продажные политики»;

2. (13 %) признают возможности возникновения такого конфликта. Респонденты основывали свое мнение на свидетельствах знакомых — участниках таких столкновений, включая события на Манежной площади;

3. (8 %) проблематизируют возможность конфликта такого типа. Эта группа респондентов задумывалась над государственной политикой в отношении трудовой миграции, усилением негативного отношения к трудовым мигрантам в среде жителей Санкт-Петербурга в связи с визуально наблюдаемым увеличением их в городе, усилением страха коренного населения в отношении «Чужих», «Других», а также над такой исторической данностью, как многонациональность РФ, которая потенциально конфликтогенна.

Выводы. Наше исследование открывает возможности: 1) предсказание дальнейшего развития протестной активности в крупных городах России, связанной с интенсификацией процессов трудовой миграции; 2) выявить реальные и потенциальные источники социального напряжения коренного населения мегалополиса (Санкт-Петербурга), которые раскрывались в интервью; 3) выявить некоторые методы «народной дипломатии», которые позволяли смягчать интолерантные настроения; 4) открывает возможности для размышлений об угрозах ВГМЭК с участием трудовых мигрантов с позиций соучастия, понимания и симпатии.

Список литературы:

1. Бредникова О.А., Паченков О. В. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрант//Этничность и экономика. Сб. статей по материалам международного семинара (Санкт-Петербург, 9—12 сентября 1999). Вып. 8. / Под ред. Бредниковой О., Воронкова В.М., Чикадзе Е. СПб.: ЦНСИ, 2000, — с. 74—81.
2. Паченков О.В. Этнические экономические мигранты: трансформация социальных отношений (на примере мигрантов из Азербайджана и Таджикистана в Санкт-Петербурге) [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: /<http://www.dslib.net/soc-struktura/jetniceskie-jekonomicheskie-migranty-transformacija-socialnyh-otnoshenij.html> (дата обращения 10.10.2014).
3. Снисаренко А.Н. Этническое предпринимательство в большом городе современной России (на примере исследования азербайджанской общины в Петербурге)//Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999, — с. 138—155.
4. Стросс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001, — 226 с.

КОНФЛИКТЫ В СТУДЕНЧЕСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ ВУЗА

Судакова Татьяна Григорьевна

*канд. ист. наук,
старший преподаватель Владикавказский филиал
Финансового университета при Правительстве РФ
РФ, г. Владикавказ
E-mail: tatyanushka.s@mail.ru*

Полатиди Кристина Олеговна

*студент финансово-экономического факультета
Владикавказский филиал
Финансового университета при Правительстве РФ,
РФ, г. Владикавказ
E-mail: christypolatidi31@icloud.com*

CONFLICTS BETWEEN STUDENTS IN INSTITUTE OF HIGHER EDUCATION

Sudakova Tatyana

*candidate of historical science Financial University
under the Government of the Russian Federation, Vladikavkaz Branch,
Russia, Vladikavkaz*

Polatidi Kristina

*student financial-economic of the faculty Financial University
under the Government of the Russian Federation, Vladikavkaz Branch,
Russia, Vladikavkaz*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена конфликтным ситуациям в ВУЗе. Рассматриваются конфликты не только между студентами, но и между студентами и преподавателями. На основе проведенного исследования автором показаны различные конфликтные ситуации, возникающие между студентами, главные причины их возникновения и как подобные ситуации влияют на студентов.

ABSTRACT

The article is devoted to the conflict situations in university. It shows that conflicts can arise not only between students but between students and teachers. On the basis of research author showed different conflict situations, main reason of conflicts and how such situations can tell on students.

Ключевые слова: конфликт; студенты; ВУЗ; взаимоотношения; коллектив.

Keywords: conflict; students; university; relationship; group.

В настоящее время каждый человек может столкнуться с разными взглядами, убеждениями и интересами людей, которые его окружают. Подобные столкновения, вызванные личностными особенностями людей, их взаимодействием с окружающими, субъективными и объективными факторами, могут привести к возникновению конфликтных ситуаций.

Неотъемлемой частью студенческой жизни являются межличностные конфликты, которые могут привести к негативным последствиям. Межличностные конфликты — это конфликт между людьми в процессе их психологического и социального взаимодействия.

Для многих слово «конфликт» носит, как правило, негативный характер. Большинство людей считают, что конфликт — это нечто такое, чего обязательно нужно избегать. Но если более вдумчиво отнестись к данному явлению, то можно прийти к выводу, что конфликт носит не только неизбежный, но и необходимый характер, поскольку поиск благоприятного и позитивного его завершения предусматривает интеллектуальные усилия, которые связаны с анализом причин его возникновения, его поводов, а также путей разрешения и преодоления противоречий, сложившихся между людьми. Интерес к данной проблематике обусловлен тем, что межличностные конфликты в ВУЗе могут быть причиной ухудшения самочувствия учащихся, формирования чувства неудовлетворенности учебной деятельностью, а также могут негативно сказываться на успеваемости и эффективности обучения дальнейшей профессии [4, с. 145].

Проблемы межличностных конфликтов в ВУЗе требуют особого внимания как со стороны исследователей, так и со стороны преподавателей, что и обусловило актуальность изучения данной проблемы в исследовании.

В работах Козер Л., Михайловой Г.В., Титковой Л.С., Фернхем А.П., Хейвен П., Черкасовой Т.В. глубоко освещена проблема конфликтных ситуаций в ВУЗе. По данной проблеме проводится множество исследований, которые можно найти и в сети-Интернет, в частности, на следующих образовательных сайтах: www.ecsocman.hse.ru и www.lib.socio.msu, на которых есть результаты исследований, проводимых по данной проблематике, а так же статьи на эту тему.

Целью исследования является выявление влияния конфликтных ситуаций на развитие взаимоотношений внутри студенческого коллектива.

Для получения результатов было проведено исследование при помощи анкетирования. Анкета состояла из 5 вопросов, которые помогли выяснить, как часто возникают конфликтные ситуации среди студентов, сказывается ли положительно наличие конфликтных ситуаций на развитии внутригрупповых отношений, возникают ли у студентов конфликты с преподавателями и т.д. В исследовании принимали участие 30 студентов Владикавказского филиала «Финансового университета при Правительстве Российской Федерации». Возраст респондентов составлял от 18 до 22 лет.

Адаптация к обучению в ВУЗе во многом определяется личностными качествами студента. Молодые люди применяют те способы общения и навыки, которые были приобретены им в школе, и не всегда они оказываются успешными. Отличия в нравственных установках,

поведении, ценностях, нормах могут привести студентов к конфликтной ситуации.

В группе начинают формироваться особые взаимоотношения, нормы поведения, социально-психологическая атмосфера, внутригрупповые ценности. В учебной группе поводов для возникновения конфликта достаточное количество: личное соперничество между обучающимися, материальная обеспеченность, спортивные победы или поражения, борьба за внимание преподавателей или противоположного пола, неспособность нахождения общего языка со сверстниками из-за личностных особенностей и многое другое [1, с. 93].

Именно поэтому первой целью исследования было выяснить, часто ли у студентов возникают конфликты внутри группы. Исследование показало, что 25 % обучающихся часто вступают в конфликтные ситуации, а 75 % никогда с ними не сталкивалось.

Конфликты в учебной группе могут нести как положительный, так и отрицательный характер. Во-первых, конфликтные ситуации помогают развиваться внутригрупповым отношениям и структуре группы, способствуют развитию динамики внутри нее. Если в коллективе прекратятся конфликты, то он остановится в своем развитии. Конфликты могут или разрушить структуру группы, или могут способствовать ее сплочению.

В связи с этим в ходе анкетирования был задан следующий вопрос: «Считаете ли Вы, что наличие конфликтов может положительно сказываться на развитии внутригрупповых отношений?». Опрос показал, что 65% считают, что конфликтные ситуации могут положительно влиять на развитии отношений, 30% не согласны с этим, а остальные 5 % затрудняются с ответом.

Существует множество причин конфликтов. Наиболее распространенными причинами данного явления в ВУЗе являются: несправедливость оценивания студентов преподавателями; переоценка студентами своих возможностей; невысокая культура общения и т. д. [5, с. 86] Именно это может послужить причинами конфликтов студентов с преподавателями. Нередко случается, что после конфликтной ситуации преподаватель начинает мстительно относиться к студенту, с которым возникла данная ситуация. Предвзятое отношение преподавателя к студенту может негативно сказаться на его дальнейшем обучении и на выборе его профессии.

Исходя из этого, следующей целью было проанализировать, возникали ли у студентов конфликты с преподавателями. Опрос показал, что 92 % студентов никогда не вступали в конфликты с преподавателями, 8 % ответили, что у них возникала такая ситуация.

Как отмечалось ранее, на конфликтность студентов могут влиять различные факторы: личностные особенности, такие как манеры, темперамент, характер, несовпадение нравственных установок, ценностей. Но кроме этого, на конфликтность может оказывать влияние и неблагополучие в быту. Недосыпание, нехватка средств, переутомление, транспортные неудобства. Данные проблемы усугубляются личностными и психофизиологическими и ставят молодого человека в тяжелые жизненные условия, что существенно влияет на его взаимоотношения со сверстниками и на его конфликтность [2, с. 25].

Поэтому в ходе анкетирования респондентам был задан следующий вопрос: «Может ли неблагополучие в быту влиять на конфликтность студентов?». Результаты показали, что 73 % опрошенных считают, что на конфликтность студентов могут оказывать влияние неблагополучия в быту, 25 % ответили, что не может, а оставшиеся 2 % респондентов затрудняются с ответом.

Невозможно избежать конфликтов в образовательной среде ВУЗа, так как ее субъекты отличаются друг от друга социальным статусом, ролями в обществе и функциями. Благополучие как университета, так и общества в целом зависит от того, как быстро удастся распознать назревающий конфликт, который можно не только предупредить, но и разрешить без последствий. Для того, чтобы успешно разрешить конфликтную ситуацию необходимо разобраться в первоначальных источниках и причинах, которые послужили возникновению межличностного конфликта. Однако не всегда молодые люди способны ясно и четко сформулировать истинных причин и мотивов конфликта, что приводит к длительному враждебному отношению. Это связано с тем, что при несовпадении точек зрения, интересов, каждый начинает настаивать на своем и под влиянием эмоций появляется агрессивность в общении, грубость и бестактность, что и приводит к конфликту [3, с. 136].

Одной из задач исследования было выяснить, могут ли студенты четко сформулировать истинные причины возникновения конфликта. Ведь именно четкая формулировка может помочь избежать длительного враждебного отношения между конфликтующими. Результаты показали, что 80 % могут дать четкую формулировку, 15 % нет, а 5 % опрошенных затрудняются с ответом.

Как мы видим, конфликтные ситуации в ВУЗе — это особая вид социального взаимодействия. Данный процесс представляет собой разрешение противоречий, которые возникают в образовательном процессе, который обретает особую форму социальных взаимодействий между индивидами. Данная форма социальных взаимодействий

характеризуется повышенной степенью несовпадения ценностно-нормативных установок участников конфликтного взаимодействия. Кроме того, результаты исследования показали, что студенты считают, что конфликтные ситуации могут положительно влиять на студенческий коллектив ВУЗа, объединяя и сплачивая его.

Список литературы:

1. Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2005 — 184 с.
2. Михайлова Г.В. Подготовка студентов к разрешению конфликтов в учебных группах. Архангельск, 2004. — 148 с.
3. Титкова Л.С. Внутригрупповая конфликтность студентов современных российских вузов и факторы, влияющие на нее. Владивосток, 2004. — 170 с.
4. Фернхем А.П, Хейвен П. Личность и социальное поведение. СПб., 2001 — 259 с.
5. Черкасова Т.В. Социальные конфликты в молодежной среде: Дис. канд. соц. Наук. Уфа, 1997. — 170 с.

СЕКЦИЯ 3.

ФИЛОСОФИЯ

3.1. ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

СОВРЕМЕННОЕ ЗВУЧАНИЕ ИДЕИ Н.А. ДОБРОЛЮБОВА О ПРАВСТВЕННОМ КОНФЛИКТЕ

Моторина Лариса Юрьевна

*директор департамента культуры администрации
г. Нижнего Новгорода, ФГБОУ ВПО «Нижегородский
государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»,
РФ, г. Нижний Новгород
E-mail: lara.motorina.70@mail.ru*

MODERN SOUNDING OF N.A. DOBROLYUBOV'S IDEA ABOUT MORAL CONFLICT

Larisa Motorina

*director, Department of Culture of Nizhny
Novgorod Administration, Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Professional Education
“Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov”,
Russia, Nizhny Novgorod*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается философия нравственного конфликта, возникающего под влиянием происходящих процессов-глобализации, изменений информационного пространства и духовно-нравственного состояния общества в целом. В работе анализируются жизненные ориентации, позиции современной молодежи с точки зрения нравственной ответственности и справедливости в общечеловеческом плане, раскрываются признаки нравственного конфликта и его

влияние на человека. Особое внимание уделено взаимосвязи нравственного состояния общества в отношении политического и экономического развития мира.

ABSTRACT

The article deals with the philosophy of moral conflict which arises under the influence of the globalization processes, changes of the information space, spiritual and moral state of society in general. Life-orientation, the position of today's youth in terms of moral responsibility and justice in human terms are analysed in the article; characteristics of moral conflict and its impact on human rights are revealed. Particular attention is paid to the interconnection of the moral state of society in relation to political and economic development of the world.

Ключевые слова: нравственность; Добролюбов; жизненные ценности; глобализация; конфликт; человек; общество; гармонизация.

Keywords: morality; Dobrolyubov; life values; globalization; conflict; human; society; harmonization.

В современном обществе индивид имеет правовые гарантии своей личной жизни, гарантии против произвола. Человек имеет право на свободу верований, передвижения, свободу профессионального выбора и т. д. Условия жизни современного человека постепенно улучшаются даже в неразвитых в недавнем прошлом странах. Однако наряду с улучшением материального благосостояния людей, гармонизацией социальных процессов, возникают новые трудности. Современные технологии требуют высокой степени напряжения умственных, а нередко и физических сил, ритмы социальной жизни, интенсивность труда намного возросли по сравнению с предыдущими историческими эпохами. Определенные проблемы вызываются урбанизацией, сопровождающейся разрушением прежних форм традиционного морального контроля, основанного как на внутреннем нравственном самоконтроле, так и общественном мнении, ощутимых эмоциональных реакциях со стороны окружающих. Негативные факторы, оказывающие отрицательное влияние на духовно-нравственное состояние человека, не исчезают в современном обществе, а приобретают новые формы, все более втягиваясь в сферу нравственных конфликтов, отягченных условиями глобализации, современными информационно-коммуникативными технологиями. Возникающие противоречия между знанием правил и реальным поведением, между целью и средствами ее достижения, между мотивами и результатом деятельности, между общественными требованиями к нравственному

облику личности и ее реальными действиями оказывают заметное влияние на общественные процессы, прежде всего в сфере коммуникации и ценностных ориентаций людей, в том числе молодых поколений.

Проблема нравственного конфликта привлекает к себе внимание, по нашему мнению, в двух основополагающих аспектах. Во-первых, человеческая культура на протяжении тысячелетий в своем развитии шла по пути балансирования Человека между добром и злом, между стремлением к разумному и справедливому, с одной стороны, а, с другой, — духовной угнетенности, алчности, человеконенавистничества. Перед Человеком всегда стояла проблема свободы выбора, которая нередко выдвигала перед ним альтернативу — с одной стороны, сталкиваясь с трудностями и невзгодами, а, нередко, и собственной гибелью, преодолевать в себе страх перед наказанием вершить добро вопреки злу, а, с другой, — принять зло как должное, как неизбежное. Эта проблема морального выбора, понимания сущности свободы выбора в различных формах ее философского осмысления дошла до наших дней, так и не получив однозначного ответа на многочисленные вопросы, стоящие перед людьми. И так это было, и так это будет всегда, потому что, по словам Ф. Шлегеля, люди «выступают как некое целое ... благодаря одинаковости своего назначения» [8, с. 188]. Однако, выбирая одни жизненные ценности и нравственные установки, человек вынужден делать это в ущерб другим ценностям, мотивам, установкам и т. д. И в этой сложнейшей проблеме морального выбора состоит развитие и сохранение культуры человечества, культуры человека.

Во-вторых, в истории духовной культуры еще с древних времен зафиксирована идея уважительного отношения к другому человеку. Эта общечеловеческая норма регулирования коммуникационными процессами выражается в «золотом правиле нравственности» — «поступай по отношению к другому так же, как ты хотел бы, чтобы поступали по отношению к тебе». Однако это правило нравственности содержит элемент субъективизма и в определенной степени релятивизма, так как желание моего «Я» в оценке «Другого» по отношению к себе, может и не совпадать в зависимости, во-первых, от контекста, а, во-вторых, от уровня культуры и нравственного содержания субъективно-оценочного отношения к себе. Собственно именно в этой плоскости несовпадения желаний моего «Я» и реальным положением вещей в его оценке «Другим» может особенно болезненно проявляться личностный аспект нравственного конфликта.

Глубокий анализ природы нравственного конфликта мы находим в работах русских философов, видимо, прежде всего потому,

что характерной чертой русской философии является ее нравственно-практическая направленность [9, р. 785]. Особенно рельефно эта проблема обозначена в трудах Н.А. Добролюбова, предметом философско-этических размышлений которого является взаимосвязь социальных условий, нравственно-психологических качеств и поступков людей. По мнению русского мыслителя, важнейшим показателем достоинства человека является понимание им меры использования материальных благ в строгом соответствии с «количеством и достоинством его труда». По этой причине, по мнению Н.А. Добролюбова, важнейшим фактором в социализации личности является система воспитания, которая определяет в человеке направленность свободы выбора, т. е. в выборе существующей в нашем уме возможности «... сличить несколько предметов и определить какой из них лучше» [3, с. 179].

Раскрывая социальные корни нравственного конфликта, Добролюбов, анализируя существование в человеке различных «непримиримых начал» — внутреннего — высшего, доброго и внешнего — злого, грубого, темного. В статьях «Что такое обломовщина», «Темное царство», «О значении авторитета в воспитании» он раскрывает диалектическую взаимосвязь социальных условий и поступков людей. Необходимо, «чтобы значение человека в обществе определялось его личными достоинствами и чтобы материальные блага приобретались каждым в строгой соразмерности с количеством и достоинством его труда: тогда всякий будет учиться уже и затем, чтобы делать как можно лучше свое дело, невозможны будут туеядцы» [4, с. 187].

Трудности, с которыми приходится сталкиваться человеку на его жизненном пути, проистекают из противоречий, внутренне присущих индивиду и разрушающих единство его личностных начал. Несоответствие слова и дела, долга и потребности, силы привычки и желания улучшений, по мнению Добролюбова, кроется не только в столкновении внутреннего и внешнего бытия человека, но и в его воспитании как личности. Все, что создано человеческим разумом, приобретено в опыте человеческой жизни и почерпнуто из постоянного взаимодействия с внешней средой. В статье «Органическое развитие человека в связи с его умственной и нравственной деятельностью» Н. Добролюбов пишет, что «человек не из себя развивает понятия, а получает их из внешнего мира». В этой связи он должен иметь «нравственный опыт и через него добывать себе свет, хотя бы луч света» [5, с. 27].

Очевидно, что строгая соразмерность с количеством и достоинством труда человека, о чем говорил Н. Добролюбов, весьма актуальна

в наши дни, затрагивая проблему нравственного конфликта в следующих показателях своей социальной и культурной значимости. Во-первых, социальная значимость человека в обществе, оцениваемая получаемыми им материальными благами в соответствии с его «личными достоинствами», должна определяться «количеством и достоинством» его труда. Но этому необходимо учиться. Иначе говоря, образование и воспитание являются той необходимой базой формирования нравственного достоинства человека, которая будет определяться «количеством и достоинством его труда». Говоря современным языком, концепт «оплата по труду» раскрывает многообразие подходов к проблеме минимизации последствий нравственных коллизий в политических ориентациях и в отношениях между людьми, возникающих на почве неудовлетворенности своим материальным положением и желанием получать большее без учета реальных обстоятельств экономического и социального характера.

Во-вторых, ценности современного мира претерпевают коренные изменения под напором информационно-коммуникативных технологий глобализма. Повсеместное утверждение о якобы имеющего места факта того, что современная молодежь, в массе своей, растет и действует в условиях небывалой свободы в выборе принципов либеральной демократии, а также возможностей приобщения к ценностям евро-атлантической цивилизации, увеличивает до никогда ранее не наблюдаемых размеров стремление к индивидуальной независимости, личному обогащению, прагматизму, амбициозности, высоким карьерным притязаниям [6]. Так, по данным Европейского социологического исследования 2008 года, в котором приняли участие молодые люди из 28 стран, в том числе из России, а также исследования 2006-2014 гг., проведенного в НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, российская и зарубежная молодежь имеет во многом совпадающие жизненные ориентации и позиции, достаточно свободные от нравственной оценки с точки зрения нравственной ответственности и справедливости в общечеловеческом плане.

Данное утверждение касается в первую очередь таких показателей, как ориентация на личное обогащение, по которому Россия заняла четвертое место, пропустив вперед Латвию (54 %), Турцию (53 %) и Грецию (48 %), набрав одинаковое количество баллов с Израилем (47 %). Другим показателем является амбициозность, понимаемая как ориентация на успех и общественное признание своих личных способностей. При этом по «негативному» показателю амбициозности — стремлению к успеху (престиж, деньги, власть) — вне связи с какими-

либо личными достижениями, россияне занимают пятое место среди 28 стран (56 %) [7]

Мысли русского философа о нравственном содержании понятия достоинства человека и достоинства труда близки к философским выводам К. Апеля по мотивам предпринятого им исследования трансформации современного коммуникативного сообщества. Так, согласно мнению немецкого философа наших дней, условия развития современной цивилизации таковы, что существует глубокая диспропорция между нарастающими тенденциями свободы, которая обеспечивается научными и техническими достижениями, с одной стороны, а, с другой, — необходимостью нормативного регулирования поведения людей, благодаря чему возможно достижение взаимопонимания и консенсуса. По мнению К.О. Апеля: «...Не существует более типичного примера неравномерности развития секторов человеческой культуры, нежели диспропорция между экспансией научно-технических возможностей и тенденций к торможению, характерной для морали...» [1, с. 264]. Ориентируясь, прежде всего, на контекст новых цивилизационных условий современного коммуникативного сообщества и поиска возможностей сохранения устойчивых форм внутренней регуляции поведения человека, т. е. морали, немецкий философ отмечает, что научно-техническая цивилизация «поставила все народы, расы и культуры ... перед лицом общей этической проблематики ... брать на себя солидарную ответственность за последствия своих действий в планетарном масштабе» [2, с. 265].

В контексте культурно-исторических различий воспитательных возможностей и приемов воздействия на воспитуемых середины XIX и начала XXI века возникает не только извечная проблема «Что делать?», но и вскрылся другой, возможно, еще более значимый вопрос — «Кто и как должен обучать и воспитывать подрастающие поколения?». Иначе говоря, специально обозначенная в свое время Н. Добролюбовым проблема «идеального воспитателя» не потеряла актуальности и для информационного общества, обозначаемого в наши дни как общества знаний. Утопическая фигура «идеального воспитателя», в реальном существовании которой Н.А. Добролюбов глубоко сомневался, приобретает все большее социальное и духовное значение в XXI веке, нередко обретая контуры трудно осуществимой мечты нашего времени. И в этом плане интересны замечания Н.А. Добролюбова о фигуре идеального воспитателя как наставника, умеющего подвести воспитанника к правильному выбору жизненного пути в соответствии с убеждениями и внутренним потенциалом развивающейся личности. Этот выбор является необходимым

условием предотвращения «разлада» между убеждениями человека и требованиями реальной жизни.

Данный подход хорошо просматривается на примере использования нравственной регламентации в развитии рыночной экономики, о чем блестяще написано М. Вебером в его труде «Протестантская этика и дух капитализма». Очевиден данный подход и для представителей современного российского бизнеса. Так, президент группы компаний «Рольф» С.А. Петров подчеркивает, что «требования морали — это не какой-то привесок к бизнесу, навязываемый ему некими общественными силами, то есть извне, а залог его успешного развития». Закономерность, состоящая в том, что «чем выше уровень духовно-нравственного развития основной массы населения, тем успешнее развивается экономическая и политическая система страны». «состояние экономики напрямую зависит от духовного, нравственного состояния личности», получает множественные подтверждения. Данные демонстрируют, что нравственное состояние российского общества, количественно оцененное описанным выше способом, обнаруживает высокие корреляции с различными показателями его инновационной активности.

В последние годы Президент РФ Путин В.В. уделяет проблеме духовно-нравственного воспитания пристальное внимание. В послании к Федеральному Собранию, он оценил состояние дел в духовно-нравственной сфере, как «демографическую и ценностную катастрофу», происшедшую в результате утраты многих нравственных ориентиров. «Если нация утрачивает жизненные ориентиры и идеалы, ей и внешний враг не нужен, все и так развалится само по себе». В этой связи поставлена задача — «укреплять прочную духовно-нравственную основу общества».

В современном мире на фоне новой расстановки экономических, цивилизационных, военных сил Россия призвана быть влиятельной страной. Нам необходимо не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность. Важно не растерять себя как нация. Быть и оставаться Россией.

Список литературы:

1. Апель К.О. Априори коммуникативного сообщества // Трансформация философии. М.: Логос, 2001. — с. 264.
2. Апель К.О. Априори коммуникативного сообщества // Трансформация философии. М.: Логос, 2001. — с. 265.
3. Добролюбов Н.А. Избранные философские сочинения. Т. I. М., 1945. — с. 179.

4. Добролюбов Н.А. Избранные философские сочинения, под редакцией и предисловием М.Т. Иовчука, в 2 томах, том 2, ОГИЗ, 1946 г., — с. 187.
5. Добролюбов Н.А., Избранные философские сочинения, под редакцией и предисловием М.Т. Иовчука, в 2 томах, том 2, ОГИЗ, 1946 г., — с. 27.
6. Ценностные ориентации российской и европейской молодежи/ Синельников А.Б. // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. — 2011. — № 1. — с. 145—159.
7. Ценностные ориентации российской и европейской молодежи/ Синельников А.Б. // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. — 2011. — № 1. — с. 145—159.
8. Шлегель Ф. Развитие философии в двенадцати книгах // Эстетика. Философия. Критика. М., — 1983. — Т. 2. — с. 188.
9. Nikitin A., Savrutskaya E., Semyonov D. Moral Conflict and Value System of the Yoth. Internation multidisciplinary scientific conferences an social sciences and arts. 2014, — p. 785.

3.2. ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

ЭНВАЙРОНМЕНТАЛИЗМ КАК НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОТНОШЕНИЯ К ПРИРОДЕ

Дзех Анастасия Владимировна
аспирант Института гуманитарных наук и искусств
Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
РФ, г. Екатеринбург
E-mail: yen_19@mail.ru

ENVIRONMENTALISM AS A NEW CONCEPT RELATIONSHIP TO NATURE

Dzekh Anastasiia
graduate student
of the Institute of Humanities and Arts of the Ural Federal University,
Russia, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ

В статье представлены новые подходы к философии природы, которые можно обозначить как энвайронментализм. Раскрываются основные принципы этой концепции и ее отличия от традиционного подхода к взаимодействию природы и человека.

ABSTRACT

The article presents a new approach to the philosophy of nature, which can be defined as environmentalism. Reveals the basic principles of this concept and how it differs from the traditional approach to the interaction of man and nature.

Ключевые слова: философия природы; энвайронментализм; экологическая парадигма.

Keywords: philosophy of nature; environmentalism; ecological paradigm.

Вокруг природной тематики и вопросов борьбы за охрану природной среды сложилось целое поле идей. В этом новом мыслительном и культурном пространстве появились термины — «экофилософия», «экопсихология», «экологизм» и др. Возникли теоретические построения, представления, увязанные с требованиями энвайронментализма, теории, по-новому объясняющие принципы взаимодействия человека с природой, причины экологических угроз, прогнозирующие их возможные последствия. Утвердилось представление об «устойчивом развитии», стал популярен термин «ноосфера», получили развитие теория о «коэволюции человека и природы», экологические утопии и антиутопии. В результате, в настоящее время формируется оригинальная картина экологических идей.

В основе всей экологической тематики лежит особая трактовка взаимодействия природы и человека, «зеленое» мировоззрение, целый комплекс идей онтологического, этического и эстетического характера, иначе — энвайронментализм. Энвайронментализм — это разнообразные явления, существующие в различных сферах общественной жизни, формирующие единую тенденцию в науке, идеологии, возникающую как реакция на существующий экологический кризис. Это общественные и политические движения, новые сферы бизнеса, культура питания и многое другое.

«Классическую» общепринятую дефиницию энвайронментализма предложил И.Г. Несын. Он определяет его как экологическую размеренность сознания. «Энвайронментализм, в целом, представляет собой, прежде всего, общетеоретическую и мировоззренческую ориентацию сознания, в центре внимания которой находится взаимодействие социальных образований со средой обитания, и проявляющуюся в различных сферах теоретизирования (в социологии, философии, праве, этике и т. д.)» [3, с. 1]. Кроме того, энвайронментализм — это еще и движение за качество среды обитания.

Центральное место в энвайронментальных концепциях занимает «мир природы» — совокупность конкретных, эмоционально окрашенных и субъективно значимых природных объектов и природных комплексов, взятых в их единичности и неповторимости. «Природа как среда» функционирует в сфере материального, «мир природы» же конструируется самой личностью, существует в сфере идеального, надстраивается над природой как материальным субстратом. Важнейшей методологической и психологической особенностью экологического сознания является то, что «мир природы» принципиально отличается от «природной среды», основной акцент делается на субъективных связях человека с природой. Потому для исследования взаимодействия

человека с природой активно привлекается концептуальный понятийный аппарат социальной психологии и психологии личности.

Энвайронментализм нацелен на радикальное изменение мировоззренческих ориентаций человечества и построении их на основании принципов, формирующих «новую экологическую парадигму»:

1. Отказ от иерархической картины мира. Люди, несмотря на обладание исключительными характеристиками (культура, технология и т. п.), понимаются как один из многих видов, взаимозависимо включенных в глобальную экосистему. Они являются и должны сознавать себя не коллективом-сообществом, который управляет экосистемой, но простым элементом сложного целого, внутри которого не существует главенства человека над животными. Человек не признается обладающим какими-то особыми привилегиями на том основании, что он имеет разум, наоборот, его разумность налагает на него дополнительные обязанности по отношению к окружающей его природе.

2. Биофизическая среда налагает потенциальные ограничения на человеческую деятельность. Человеческая деятельность обусловлена сложными взаимосвязями с природной средой, а не только социальными и культурными факторами. Целью взаимодействия с природой является максимальное удовлетворение как потребностей человека, так и потребностей всего природного сообщества. Воздействии на природу сменяется взаимодействием.

3. Законы экосистемы не утрачивают своей обязательности, несмотря на изобретательность людей и приобретаемую благодаря ей силу, которая до некоторой степени увеличивает несущую способность среды.

4. Этические нормы и правила равным образом распространяются как на взаимодействие между людьми, так и на взаимодействие с миром природы. Природа и все природное воспринимается как полноправный субъект по взаимодействию с человеком. Деятельность по охране природы продиктована необходимостью сохранить природу ради нее самой.

С.П. Баньковская характеризует энвайронментализм следующим образом: «предпочтение природных ценностей девальвированным социальным... стремление компенсировать неподвластность социальной стихии обращением к познаваемому средствами позитивной науки и подчиняющемуся человеку миру природы; восприятие природы как последнего оплота, объединяющего отчужденных друг от друга социальной стихией людей, и единственного атрибута общества... сохраняющего его солидарность; поиски внутренней гармонии

человеческого общества в непостижимости связей всего живого и проявлений жизни от биологического до социального» [1, с. 120].

Таким образом, современный антропоцентрический тип экологического сознания противостоит энвайронментализму в следующих основополагающих аспектах: 1) противопоставленность человека миру природы — включенность человека в мир природы; 2) объектное восприятие природы — субъектное восприятие природы; 3) прагматический характер взаимодействия с природой — непрагматический характер взаимодействия с природой.

Экологическая этика расширяет традиционные этические доктрины, так как рассматривает в качестве моральных проблем не только благополучие и социальные связи людей, но и других форм жизни, в том числе в будущем. То есть она провозглашает ценностную переориентацию сознания в духе уважения и любви к природе, отказа от потребительской, антропоцентрической установки общества, преобладающей сегодня.

«Экологическая этика опирается на метафизические интерпретации постнеклассической науки (экологии, эволюционной биологии, квантовой физики), интуиции высокого искусства, взгляды и деяния отцов церкви (Франциск Ассизский), философов (Б. Спиноза), идеи современных неортодоксальных течений христианства, обычаи малых народов, установки феминистских движений, на традиции восточного миропонимания (даосизм, конфуцианство, буддизм, дзэн-буддизм)» [4]. Основатель журнала “Environmental Ethics”, аккумулирующего большую часть исследований в этой области, Юджин Харгроув считает, что в будущем энвайронментальная этика и философия органически сольются в единое целое, так уже сегодня энвайронментальная этика включает в себя все разделы философии — от метафизики и эпистемологии, до эстетики [5].

Предтечами энвайронментальной этики можно считать О. Леопольда с его «этикой Земли» и А. Швейцера – этика «благоговения перед жизнью». Кроме того, основы экологической этики были заложены философами русского космизма. В рамках энвайронментальной этики можно выделить направление монистов, стремящихся к выработке единой теоретической концепции, метафизической основы, для обоснования нравственного отношения к природе и плюралистов, заявляющих о принципиальной невозможности создания этики, в которой учитывались бы различные требования людей и иных форм жизни и однозначно определялось моральное отношение к индивидуальным составляющим экосистем (река, гора). Плюралисты идут по пути исследования реально существующих ценностных

предпочтений при широком использовании уже существующих теоретических оснований, порой даже настаивая на принципиальной незавершенности и бессмысленности философских обоснований, оторванных от реальной практики природосбережения.

Некоторые исследователи выделяют как самостоятельное направление экофеминизм, центральной идеей которого является сближение интерпретации господства над женщиной и господства над живой природой. Экофеминистки (К. Уорен, А. Салех, Д. Спикер и др.) полагают, что андроцентризм преодолевается лишь с помощью органичного женского сознания, в основе которого стремление к сбережению жизни.

И монистский, и плюралистический, и экофеминистский подходы сближают энвайронментализм с постнеклассической традицией философской рефлексии и позволяют назвать его отношением к природе в условиях постмодернизма.

В результате вырабатывается новый культурный код «человека, дружественного природе», который стремится жить в гармонии с природой, минимизирует свое воздействие на нее, снижает объем использования природных ресурсов. При этом не существует общего кода, а есть множество альтернативных кодов, которые состоят из интерпретаций природы, человека, общества и частных экологических практик.

В современных обществах нет единой сущности, которую можно назвать «природой», — следует говорить только о «природах». Они формируются исторически, географически и социально. Можно перечислить следующие ключевые интерпретации природы в современных обществах: 1) сущностное качество или характер чего-то; 2) скрытая сила, стоящая за какими-то событиями в мире; 3) вся совокупность одушевленных и неодушевленных объектов, особенно таких, которым что-то угрожает; 4) физическая среда, противопоставляемая человеческой культурной среде и ее особой экологии; 5) сельская среда в противоположность городской, с ее особыми рекреационными свойствами [2].

В основе энвайронментализма также присутствует множество культурно специфичных интерпретаций окружающей среды. Б. Шершинский выделяет две главных тенденции концептуализации природы, лежащие в основе развития современного экологического сознания: 1) феномен, которому угрожает опасность (тревога по поводу редких и исчезающих видов, восприятие природы как набора ограниченных ресурсов, которые нужно сберечь для будущих поколений); 2) понятие о природе как об источнике чистоты и моральной силы, целостной экосистеме, которую нужно сохранить во всем ее разно-

образии и взаимозависимости [2]. Чтобы не превратиться в социальный винтик, человек нуждается в опоре вне социума и находит ее в природе.

Таким образом, решающим моментом в выработке новой концепции природы является экологическая проблематика. Именно она диктует новые методологические принципы в отношении человека и природы, в научно-философском переосмыслении этих отношений. Главную роль в этом процессе переосмысления играет энвайронментализм как мировоззрение, основанное на новом варианте философии природы — «зеленой» концепции отношений между человеком и миром, культуры и «натуры».

Список литературы:

1. Баньковская С.П. Инвайронментальная социология. Рига: Зинате, 1991. — 130 с.
2. Болотова А.Л. Экологическая политика повседневности в западных странах и в России [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.academia.edu/3621981/> (дата обращения 18.01.15).
3. Несын И.Г. Экологизация сознания как философский аспект энвайронментализма: Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00. Томск: [б. и.], 2003. — 22 с.
4. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://iph.ras.ru/elib/3509.html> (дата обращения 18.01.15).
5. Hargrove E. Foundation of environmental ethics. USA: New Jersey: Prentice Hall, 1988. — 229 с.

3.3. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УГРОЗЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ГУМАНИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Мацюк Дмитрий Анатольевич

*канд. филос. наук, старший преподаватель кафедры социально-политических дисциплин Актобинского регионального государственного университета им. К. Жубанова, Республика Казахстан, г. Актобе
E-mail: dimakazgu@mail.ru*

THREATS AND POSSIBILITIES OF HUMANISM ARE IN HISTORICAL RETROSPECTIVE VIEW: SOCIAALLY-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Dmitry Matsyuk

candidate of Science, senior teacher of department of socio-political disciplines of the Aktobe regional state university the name of K. Zhybanov, Republic of Kazakhstan, Aktobe

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется аксиологическая трансформация европейского гуманизма как системы принципов, норм и правил по преодолению социального насилия с эпохи Возрождения до наших дней. Рассматривается неоднозначность его восприятия восточными культурами и народами XIX — начала XXI вв.

ABSTRACT

In this article the valued transformation of European humanism is investigated as a system of principles, norms and rules on overcoming of social violence from Renaissance age to our days. East cultures and people of XIX—XXI of centuries, examine the ambiguousness of his perception.

Ключевые слова: гуманизм; мировоззрение; социальное насилие; ценность мира; конфликт; права человека.

Keywords: humanism; worldview; social violence; world value; conflict; human rights.

Всемирный исторический процесс всегда был представлен борьбой созидательных и разрушительных общественных начал. Различного рода войны и социальные конфликты закономерно сменялись периодами перемирия и спокойствия. И чем интенсивнее социальное насилие заявляло о себе, тем сильнее из глубины веков на протяжении столетий философская мысль дополнялась призывами к мирному и гармоничному сосуществованию государств и народов. В этой связи гуманизм как духовно-мировоззренческий плод созрел в культурной почве различных племен и народов.

Важно понимать, что гуманизм в различные исторические эпохи ставил соответственно разные цели. Так, зародившись в культуре позднего европейского средневековья (XV—XVI вв.), он представлял собой качественно новый, с нравственной точки зрения, взгляд на человека и его предназначение в этом мире. Впервые передовые европейские мыслители (Данте Алигьери, Франческа Петрарка, Лоренцо Вала и др.) встали на защиту личности, которая подвергалась нападкам со стороны католической церкви и светской феодальной власти. Впервые человек стал рассматриваться не как пассивный участник социальных процессов, а как его полноправный субъект, способный самостоятельно определить сценарий не только своей собственной судьбы, но и целой системы социальных процессов, в рамках которых он развивался. Или выражаясь словами Л.А. Бессоновой: «На ранних этапах становления ренессансной культуры гуманизм представлял собой некую программу построения новой культуры, обращенной к бытию человека и носящей культурно-просветительский характер» [2, с. 1]. Это был большой духовный прорыв, ознаменовавший собой новое мышление и миропонимание, которое нашло отклик у широких слоев европейского общества того периода. Уже в последующие годы гуманистическая риторика распространилась не только в плоскость межличностных отношений, но и в сферу политики, науки, духовной культуры и т. д.

В последующую эпоху Нового времени (XVII — конец XIX вв.) традиции гуманизма получили достаточно широкое распространение. Однако этот гуманизм отличается от гуманизма эпохи Ренессанса (XIV—XVI вв.) в силу успехов реформации, становления науки и развития новых буржуазных отношений. «Рациональность становится главным средством познания и преобразования мира. Именно эта ценность превалирует в отношении и к Природе, и к Богу,

и к труду, и к самому человеку» [1, с. 217]. Из этого следует, что гуманизм Нового времени был нацелен не просто на недопущение предыдущих ущемлений чести и достоинства личности, а создавал юридически закрепленную систему прав человека, за нарушение которых предусматривалась определенная система карательных санкций со стороны государства. Однако это еще не гарантировало человеку Нового времени избегания таких явлений, как его экономическое закабаление, использование населения в качестве военной силы в осуществлении амбициозных государственных планов, неравномерное распределение власти среди различных слоев населения, жажда наживы и т. д. Поэтому в данный исторический период параллельно соседствовали такие явления как создание Билля о правах (1791 г.) и имущественный ценз в политических правах, идеологическая деятельность философов-просветителей и колонизаторская политика в отношении восточных народов, свобода предпринимательства и экономическое укрепление низов общества и т. д.

Гуманизм XIX века получил в наследство не только ренессансную традицию видения человека как в качестве высшей ценности, не только новоевропейскую систему олицетворения личности в роли активного субъекта экономических, политических и культурных процессов, но и предстал перед новыми вызовами мировой цивилизации (это главным образом, эпоха колониальных захватов в Азии и Африке, реанимация плантационного рабства в Северной Америке, целая череда революционных событий в Европе и т. д.). Однако все эти явления никоим образом не отодвигали гуманизм на задворки истории. В умах выдающихся деятелей науки и культуры XIX в. находилось все же место анализу и проповедованию гуманистического сценария развития социальной действительности. Гуманисты XIX века, на наш взгляд, вырабатывали целый комплекс мер, направленных на возможное снижение уровня разгула антигуманных тенденций (к примеру: знаменитые аболиционисты США в период, предшествующий гражданской войне (1861—1865), прилагали большие усилия по вывозу рабов из южных штатов в северные; знаменитый Махатма Ганди (1869—1948) в Индии разработал и сумел реализовать в практику целую систему ненасильственных акций в рамках национально-освободительной борьбы индийцев с колониальными английскими властями второй половины XIX в. и т. д.).

XX век внес свои мировоззренческие и идеологические коррективы в духовное развитие общества, поскольку мир уже развивался не как комплекс локальных цивилизаций, а как система взаимосвязанных между собой государств и народов. Это был пик в развитии

военно-политических блоков и многослойных государственных образований, породивший целую череду региональных (а затем и мировых) войн, освободительных революций, рабочих движений и т. д.

В связи с этим гуманизм XX века заявил о себе с качественно новых позиций, ведь именно XX век побил все мыслимые и немыслимые рекорды по числу жертв насилия. «Только в двух мировых войнах погибло свыше 70 млн. человек, а в различного рода локальных конфликтах — еще 30 млн. Насчитываются десятки миллионов жертв преступлений против личности» [4, с. 86]. Эти цифры вызвали тревожную озабоченность у историков и философов ушедшего столетия, поскольку античеловеческое отношение людей друг к другу заставило не просто в очередной раз осуществить поиск теоретических конструкций гуманизма, а выработать качественно новые стратегии и конкретные меры для цивилизованного преодоления этого социального ужаса.

Современный XXI век также, к сожалению, начал свое шествие по аллее истории со знаменитого теракта 11 сентября 2001 г. в США, который позволил легализовать политику «жесткой руки» со стороны западных государств, усугубив и без того конфликтный мир и поставив под угрозу реализацию гуманистических принципов в международной политике. Невзирая на это, гуманизм XXI века стал пробивать себе нелегкий путь, дополняясь все новыми и новыми теориями и концепциями, нашедших практическое применение даже в гуще событий массового насилия. Так, в ходе современных военных столкновений противники договариваются о реализации таких поистине гуманистических мер, как открытие временных коридоров для беженцев, проникновение в зону боевых действий миссий Всемирного красного креста и полумесяца, доставка нуждающимся гуманитарной помощи, недопущение применения насилия в отношении военнопленных и т. д. То есть как бы это не звучало парадоксально: даже в эпицентре социального насилия пробиваются в свет ростки практического гуманизма, способные при определенных обстоятельствах приостановить череду вражды.

Сегодня, говоря о гуманизме, в основном имеют в виду европейскую систему ценностей, основанную на христианской этике, демократических свободах и рыночных возможностях заниматься предпринимательством. Однако современный мир представлен и другими религиозно-культурными регионами. В этой связи европейский гуманизм не совсем отражает ожидания незападных этно-религиозных центров, и в первую очередь мусульманских стран. Хотя и сам

мусульманский мир неоднороден: часть его стран (главным образом развитые и по совместительству союзники Запада — Саудовская Аравия, Катар, Бахрейн, Оман и др.), а точнее их правящая элита интегрировалась в систему европейских рыночных ценностей, другая же часть (в основном противники американско-европейской внешней политики — Иран, Сирия, Палестина и др.) игнорируют европейские ценности, тщательно замаскированные под борьбу за права человека, и оказываются в орбите международных санкций. Третья же часть мусульманского мира (представленная в прошлом союзниками Запада в борьбе с СССР), сегодня сама оказывается центром подготовки террористов, чья злость в последние годы обрушивается и на сам Запад (ярким примером служит недавний теракт в редакции газеты «Шарли Эбдо» в Париже 7 января 2015 г.). Поэтому устоявшаяся современная модель европейского гуманизма, к сожалению, не воспринимается всем поликультурным миром в качестве общепринятых правил игры, именуемой международными отношениями. «И потому, — как писал Пелипенко А.А., — новый гуманизм отказывается от доктрин универсальной морали, заменяя их принципом морального релятивизма. Это означает, что следует не вменять (или, тем более, навязывать) всем без исключения единый язык, а говорить с каждым на его собственном языке» [5, с. 27].

К величайшему сожалению, на сегодня большая политика и порожденные ее деструктивные последствия (в виде религиозного экстремизма, ксенофобии, национализма, гражданских войн и т. д.) вызывают большие препятствия в проникновении гуманистических импульсов в ткань общественных процессов. Безусловно, это не означает, что современный гуманизм и гуманизм вообще, как исторически сложившаяся система норм, правил и принципов изжил себя и не способен к саморазвитию. Это значит, что современный гуманизм проходит свой трудный путь, он доказывает свое право на жизнь, он находит отклик у миллионов людей во всем мире, и при определенных коррективах в мировой экономике, политике и культуре в целом способен стать той путеводной звездой, о которой говорили еще античные философы, и которая минимизирует в современном обществе уровень социального насилия и несправедливости. Или выражаясь словами И. Боковой: «Быть гуманистом сегодня означает умение гармонично сочетать завещанную предками традицию с требованиями современности» [3, с. 1].

Список литературы:

1. Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. Астрахань, 2004. — 277 с.
2. Бессонова Л.А. Гуманизм — идейная основа мультикультурализма // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.tisbi.ru/assets/Site/Science/--2014/Gumanism.pdf> (дата обращения: 2014 г.).
3. Бокова И. Новый гуманизм в XXI веке // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://razumru.ru/humanism/journal2/63/kuvakin1.htm> (дата обращения: 31.12.2012).
4. Козырев Г.И. Проблема насилия в теории, массовом сознании и реальной жизни // Вестник Московского университета. Серия: Философия. — 2000. — № 6, — с. 85—100.
5. Пелипенко А.А. Возможен ли постгуманизм? // Человек. — 2013. — № 3, — с. 17—28.

3.4. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ ГЕОРГА ГЕГЕЛЯ

Жулий Юрий Валерьевич

*канд. филос. наук, ассистент кафедры философии
Гуманитарного института Сибирского федерального университета,
РФ г. Красноярск*

Аббасов Шамо Малик оглы

*студент 5 курса Гуманитарного института
Сибирского федерального университета,
РФ, г. Красноярск
E-mail: shamo.abbasov.1991@mail.ru*

THE THEORY OF RELATIVITY GEORG HEGEL

Zhulii Yuri

*candidate of philosophical Sciences, assistant Professor of philosophy
Institute for the Humanities of Siberian Federal University,
Russia, Krasnoyarsk*

Abbasov Shamo Malik oglu

*the 5th year student of the Institute of Humanities
of Siberian Federal University,
Russia, Krasnoyarsk*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена взаимосвязи между философскими идеями и естественнонаучными теориями и открытиями, на примере корреляции между идеями сформулированными Гегелем в «Философии природы» с «теорией относительности» Альберта Эйнштейна. Сформулирована гипотеза галактического происхождения Вселенной.

ABSTRACT

The article is devoted to the relationship between philosophical ideas and scientific theories and discoveries, for example, the correlation between the ideas formulated by Hegel in the philosophy of nature” with the “theory

of relativity” by Albert Einstein. Formulated the hypothesis of galactic origin of the Universe.

Ключевые слова: Пространство; Время; Движение; Свет.

Keywords: Space; Time; Motion; Light.

Уже на протяжении более чем одного столетия, прочный фундамент получила идея о том что философия и наука – это две принципиально разные вещи, дело дошло в плоть, до того что философию рассматривают, как чуть ли ни главного врага науки соответственно и наоборот. Такая позиция, исходит в сущности только из рассмотрения предмета, а точнее отсутствия предмета у философии. Подобный методологический грех приводит к парадоксальной ситуации, выходит, что предмет отсутствует не только у философии, которая в силу энтропийного характера произошедших в ней изменений, стихийно соглашается с выше озвученным тезисом, в предмете отказывается и науке, ведь предмет может быть только у какой-либо конкретной науки, сама же наука как единое целое становится абстракцией подобно философии. Очевидно, что такая ситуация не может устраивать любого, кто хоть раз всерьез задумывался над этим вопросом.

Гегель утверждал, что все науки обретают свое подлинное бытие только в философии, точно так же и философия нуждается в науках. Что в сущности означает, что есть некоторое множество наук и их собственным предметом, но поскольку, в действительности наука и философия едины, то есть одна единая Наука (философия) и ее предметом является она сама. Предмет науки есть наука, трудно понять смысл этого утверждения, ведь оно в сущности значит тоже самое что, Дух мыслит себя в своей полноте. На этом сломали зубы многие умы пытавшиеся понять Гегеля, точно также, как и современные идеалисты и материалисты, бесконечно носясь с понятием Духа нисколько не приблизившись к его пониманию, воображают себе нечто, что несется в пространстве между мирами. Дух же в действительности есть единство противоположных моментов бытия или по другому единая Наука которая есть бытие в себе и для себя как рефлексия в себе.

Но оставим лирику и перейдем к рассмотрению действительной связи науки и философии на примере физики конца XIX начала XX века. Специальная (СТО) и общая (ОТО) теория относительности Альберта Эйнштейна сделали революцию в науке изменив ее навсегда, но в философии эта революция произошла на сто лет раньше в трудах

Гегеля. СТО базируется на двух постулатах, первый из которых принцип относительности Эйнштейна, любое физическое явление протекает одинаково во всех инерциальных системах отсчета (ИСО). Это означает, что форма зависимости физических законов от пространственно-временных координат должна быть одинаковой во всех ИСО. Начало «Философии природы» Гегеля просто кричит о теории относительности. Гегель начинает с объяснения того что есть пространство и время, во-первых они едины и переходят друг в друга также как бытие и ничто, следует пояснить что начало «Философии природы» тождественно началу «Науки логики», поэтому бытие и ничто и есть пространство и время, а точнее пространство соответствует понятию ничто а время бытию.

Гегель был первым кто понял, что пространство и время едины, то есть практически сформулировал идею пространственно-временного континуума. Пространство соответствует понятию ничто, поскольку оно есть чистое количество как рядоположенность, поскольку оно непрерывно и не имеет в себе никакого различия. Есть много хороших определений пространства но самое короткое и точное сформулировал Гегель определив пространство как «внеположность» «Оно есть совершенно идеальная рядоположность, потому что оно есть вне-себя-бытие; оно просто непрерывно, потому что эта внеположность еще совершенно абстрактная и не имеет в себе никакого определенного различия» [2, с. 45] Истиной пространства является время (бытие) оно снимает внутреннее противоречие пространства как точечность, время развивает в пространстве свои определения как линия поверхность иными словами пространство переходит во время а время в пространство, этот переход есть уже становление моментами которого являются возникновение и прехождение и оно есть в тоже время переход из бытия в ничто и от ничто к бытию, результатом чего является нечто (наличное бытие). Таким образом, мы приходим к пониманию мира как процесса, движения, ведь время есть наглядное становление, что еще раз подтверждает первый постулат СТО, любое явление (нечто в становлении) протекает одинаково во всех ИСО. Сам же Эйнштейн в работе «К электродинамике движущихся тел» формулирует суть СТО тезисом о том что «Не только в механике, но и в электродинамике никакие свойства явлений не соответствуют понятию абсолютного покоя» [4, с. 6]. Что в терминологии Альберта Райбекаса соответствует что, все свойства вещей существуют только в отношениях друг с другом, в становлении.

Второй постулат СТО гласит, скорость света в «покоящейся» системе отсчета не зависит от скорости источника. Классический

закон сложения скоростей уже не работает. Получается, что если представить себе объект, который движется со скоростью 300000 км/с при этом еще излучает свет, то скорость света не будет в два раза больше а все также будет равна 300000 км/с. Тоже самое получается и в том случае, когда источник света движется в противоположную сторону от направления излучения, свет прибдет в точку В за тоже время, как и в случае, когда источник двигался в направлении излучения. Это с трудом укладывается в голове, но эксперименты подтверждают, что это так.

У Гегеля эти парадоксы света объясняются таким образом. Гегель утверждает, что в чистом свете также ничего не видно, как и в чистой тьме, только смешение света и тьмы, их взаимопроникновения в друг друга проявляет нечто, например цвет. В этом смысле свет тождествен тьме и в тоже время свет противоположен тьме. Свет есть первая качественная материя, как чистое тождество с собой. Гегель сделал вывод, что свет не имеет массы или имеет ничтожно малую массу, как абсолютная самость материи свет является абсолютно легким. Физики подтвердили это предположение, выявив, что фотоны света практически невесомы $1/200000$ массы электрона, именно поэтому свет распространяется с огромной скоростью. Но ключевой момент в понимании парадоксальной природы света, заключается в том, что свет распространяется в пространстве. «Свет есть налично сущая чистая сила наполнения пространства, и его бытие является абсолютной скоростью» [2, с. 121] Что имеет в виду Гегель под абсолютной скоростью не очень ясно, ведь он не считает, что свет обладает бесконечной скоростью, а как раз наоборот, поскольку свет наполняет пространство не мгновенно, как это было у Ньютона, а во времени. Распространение света происходит во времени, потому что оно как деятельность и изменение не может обойтись без этого момента. Так что же значит, абсолютная скорость света в терминологии Гегеля, раз он был уверен в конечности скорости света. Абсолютная скорость света есть выражение второго постулата СТО о постоянстве скорости света, не зависящего от скорости источника, выраженной у Гегеля как, как Абсолютная скорость, означающая ничто иное как постоянство скорости света, к ней нельзя ничего прибавит или убавить поскольку она и есть само это движение сам переход пространства во время и наоборот. Только благодаря свету этот переход становится созерцаемым, само становление являет себя как абсолютную скорость, поскольку оно и есть этот переход пространства во время и наоборот, это своего рода абсолютная форма движения. И свет дает эту форму движения обнаружить, благодаря свету

становится видимым окружающий нас мир, но самое удивительное, что благодаря свету мы познаем этот мир, ведь неслучайно наука веками проливали свет на природу света. И недаром говорят «ученье — свет, а неученье — тьма».

Переходя к ОТО следует сказать, что СТО является ее частным случаем, они крайне взаимосвязаны. В ОТО постулируется, что гравитационные эффекты обусловлены не силовыми взаимодействиями тел в пространстве-времени, а искривлением самого пространственно-временного континуума, связанной с присутствием массы энергии. Если в СТО пространство и время переходят друг в друга при смене наблюдателя системы отсчета, то уже в ОТО, Эйнштейн пришел к выводу о том что пространство-время имеют единую динамическую природу и его взаимодействие с физическими объектами и есть гравитация, а это уже не три пространственных измерения, к которым добавляется четвертое как время. И самое главное, пространство-время уже не субъективны, как в СТО и не зависят от наблюдателя. В ОТО, пространство-время имеют подлинное единство как пространственно-временной континуум и носят объективный характер, на что и указал Гегель. Таким образом развитие от СТО к ОТО есть грандиозный переход от субъективности к объективности, в своем единстве теория относительности есть подтверждение гегелевского тождества субъективного и объективного.

Очевидно, что философия и наука едины, скромность философов в данном вопросе непростительна, философам вовсе не стоит преклоняться, перед учеными и наоборот. Ведь прежде философы хотя бы объясняли мир. Истинная Наука ставит бесконечную цель и не боится ее. Точно также как истинный ученый не выбирает легких путей если они не ведут к истине. Как это и сделал великий, ученый, астроном Эдвин Хаббл открывший закон разбегания галактик (Постоянная Хаббла) позднее утверждал, что никакого разбегания галактик вовсе нет и объяснил «красное смещение» как старение света, научное сообщество и даже ученики Хаббла посчитали его чуть ли не сумасшедшим, отказаться от собственного открытия которое и от Нобелевской премии, которая была почти в кармане, да еще говорить о каком-то таинственном старении света. Но мы знаем, что предположение Хаббла не бред, ведь если время полагает себя в пространстве как место, а пространство полагает себя во времени как момент, то вполне правомерно допустить что на огромных межгалактических расстояниях переход пространства во время проявляет себя в полной мере, как кажущееся движение (ускорение), опять же зависящее от наблюдателя. Теоретическое осмысление собственного открытия

привело Хаббла к мысли о том что красное смещение есть результат прохождения светом огромных расстояний. И пожалуй Хаббл был прав поскольку у него были и объективные данные относительно расширения Вселенной. Ведь огромная галактика под названием туманность Андромеды имеет не красное, а фиолетовое смещение, то есть она наоборот приближается к нам, выходит, что расширение во Вселенной не повсеместно.

Большой взрыв не обязательно должен быть иметь Вселенские масштабы и он не обязательно был единственным. Взрывы могли происходить локально в галактических масштабах. То есть, то что мы называем рождением Вселенной есть рождение бесчисленных галактик. То, что вселенная расширялась на первых этапах своей эволюции несомненно, другое дело что сегодня она едва ли расширяется, в том смысле который в это вкладывают. И этому совсем не противоречит то что Вселенная появилась как миллиарды больших взрывов, которые и организовались позднее как галактики. Ученым еще только предстоит раскрыть природу движения галактик во вселенной. По крайней мере идея галактического происхождения Вселенной согласуется с моделью Вселенной разработанной Эйнштейном, от которой он отказался после открытия Хаббла, но ведь последний так же отказался от своего открытия в пользу «стационарной» Вселенной разумеется, что в ней наличествует движение, но не разлет галактик, а что-то более значительное. И мы можем предположить, что если бы и Гегелю было известно о других звездных системах он бы сказал, что Вселенная рождается количественно, как взрывы бесчисленных космологических сингулярностей. То есть Гегель отдал бы предпочтение конкретному (галактика) а не абстрактному (Вселенная)

Список литературы:

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М.: «Мысль», 1998. — 1072 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук Т. 2. М.: «Мысль», 1975. — 695 с.
3. Райбекас А.Я. Категории вещь, свойство, отношение. Красноярск.: Красноярский государственный университет, 2000. — 140 с.
4. Эйнштейн А.К. электродинамике движущихся тел. 1905. — 32 с. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: interstellar-flight.ru03/kedt.pdf.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

УСТАВ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ ПРИЗРЕНИИ 1892 Г. — ЕДИНСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКСНЫЙ НОРМАТИВНО- ПРАВОВОЙ АКТ, РЕГЛАМЕНТИРОВАВШИЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СТРАНЕ

Афанесян Кристина Кареновна

*аспирант кафедры отечественной истории,
Северо-Кавказский федеральный университет,*

РФ, г. Ставрополь

E-mail: kuchurashca@rambler.ru

ARTICLES OF PUBLIC WELFARE 1892 — A UNIQUE COMPLEX LEGAL ACT, REGULATE CHARITABLE ACTIVITIES IN THE COUNTRY

Afanesyana Kristina

post graduate speciality National history

North-Caucasian Federal University,

Russia, Stavropol

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются традиции, закон и органы власти в становлении повседневности общественного призрения и благотворительной практики на Ставрополье. Подробно исследован Устав об общественном призрении 1892 г.

ABSTRACT

The article deals with the tradition, the law and the authorities in the development of everyday public charity and charitable practices in the Stavropol region. Studied in detail by the statute of 1892 public charity.

Ключевые слова: традиции; приказы общественного призрения; частная и добровольная благотворительность; Устав общественного призрения.

Keywords: traditions; orders of social welfare; private and voluntary charity; charter of social welfare.

Принудительное общественное призрение и добровольная благотворительность начинают складываться в стране по мере развития государственности и преследуют общую цель — бороться с нуждой и оказывать поддержку слабым членам общества.

Единственным комплексным и специальным нормативно-правовым актом, регламентировавшим благотворительную деятельность, был Устав об общественном призрении, принятый лишь в 1892 году [1, с. 493—511]. Он подтвердил незыблемость принципа сословности в призрении.

Устав состоял из двух книг. Первая книга была озаглавлена как «Общее учреждение установлений общественного призрения и уставы заведений, им подведомственных», вторая посвящена учреждениям и уставам заведений общественного призрения, «на особых основаниях управляемых». Согласно этому Уставу, принцип сословности в призрении сохранялся. Да и в общем, он лишь фиксировал состоявшиеся ранее различные решения по проблемам общественного призрения и частной благотворительности в стране.

Заведование делом общественного призрения в губерниях и уездах возлагалось на земские учреждения, а там, где, как в Ставропольской губернии, они не были созданы, — на Приказы общественного призрения. Сферой общественного призрения устанавливались: «1. дела по управлению благотворительными капиталами и имуществами; 2. дела, собственно к призрению относящиеся: 1. «установление», содержание и управление богоугодными и общественными заведениями (сиротские и воспитательные дома, больницы и дома для призрения умалишенных, богадельни, работные дома) и 2. «заведование подобными заведениями, от частных лиц и обществ учрежденными, могут быть вверены надзору установлений общественного призрения» [3, с. 3].

Пункт восьмой Устава возлагал на городские общественные управления заботу о нуждающихся в городах, устройство в них благотворительных и лечебных заведений, заведование ими «на одинаковых с земскими учреждениями основаниях». Меры же общественного призрения крестьян были отнесены Уставом к ведению сельских и волостных общественных управлений. То есть принцип

сословности, как мы отмечали выше, в изучаемой нами сфере социальных отношений в России сохранялся.

Во втором отделении главы первой Устава об общественном призрении очерчивались виды имущества и капиталов сферы общественного призрения, оговаривались возможные способы их увеличения. В статье 15 уточнялось, что «независимо от капиталов и доходов на предметы общественного призрения земские учреждения могут устанавливать в необходимых случаях особые на сии предметы сборы на общем установленном для них основании» [3, с. 4]. Среди возможных статей дохода в Уставе декларировались также: 1) пособия от городов и казны (на основании особых постановлений); 2) подаяния, пожертвования и завещания в пользу общественного призрения (при определенном порядке сбора и приема пожертвований); 3) пенные и штрафные деньги; 4) хозяйственные и случайные доходы разного рода [3, с. 7]. В соответствии со статьями 34 и 35, подтверждалась необходимость обращать внимание на поведение и прежний образ жизни жертвователя и, в случае их порочности, не принимать пожертвование.

В отделении третьем главы второй Устава, называвшейся «Общественные учреждения приказов общественного призрения», определялись состав, права, обязанности и сфера деятельности Ставропольского, Сибирского приказов общественного призрения и приказа общественного призрения Области войска Донского. При этом отмечалась особая необходимость их строжайшего подчинения местным и центральным властям [3, с. 21—29].

В разделе II «Уставы об управлении заведений общественного призрения» [3, с. 30—90], в части, касающейся предмета нашего исследования, отмечалось, что к заведениям общественного призрения надо относить: сиротские и воспитательные дома, дома для умалишенных и больницы, богадельни, работные дома. Управление перечисленными заведениями, согласно статье 176, возлагалось на губернские и уездные земские учреждения. Заведование городскими больницами, содержащимися за счет городов, предоставлялось, согласно статье 181, городским общественным управлениям, «на одинаковых с земскими учреждениями основаниях». Право отдельных частных лиц и обществ, а также селений и городов создавать благотворительные заведения и учреждения регламентировалось в соответствии с установленными ранее правилами, при этом частные лица могли это делать только при обязательном получении разрешения правительства.

Став правовой основой для создания и деятельности благотворительных обществ, Устав об общественном призрении, изданный

в 1892 году, своей 175 статьей подтверждал разрешительный порядок их открытия. То есть уставы таких обществ должны были утверждаться Министром внутренних дел «по согласованию и подлежащими ведомствами». Открытие благотворительного общества разрешалось, в том числе и при условии наличия у него средств на свое содержание. Благотворительные общественные организации, патронируемые Министерством внутренних дел, были обязаны ежегодно отчитываться перед ним о своей деятельности. В отчетах должны были указываться имущество и размер капитала; доходы и расходы общества; количество заведений, им опекаемых, и число лиц, в них призреваемых. Особо оговаривалась невозможность принадлежности сотрудников таких обществ к категории государственных служащих со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Книга вторая Устава также была посвящена учреждениям и уставам заведений общественного призрения, «на особых основаниях управляемых». Статьей 356-ой [3, с. 65] к ним были отнесены: «1. Благотворительные заведения, состоящие под непосредственным покровительством Их Императорских Величеств или Членов Императорского Дома. 2. Заведения Общественного призрения, комитеты, общества и кассы благотворительные, особо заведомые Министерством внутренних дел. 3. Благотворительные заведения Императорского Человеколюбивого Общества. 4. Духовные и некоторых других ведомств попечительства о бедных».

Для изучающих историю повседневности благотворительности и общественного призрения в России рубежа XIX—XX веков важно знать, что в 1897 году произошло упрощение процедуры открытия благотворительных организаций. Был издан Примерный устав для обществ пособия бедным, «преследующих общеблаготворительные цели». Это значит, что общества, готовые взять этот Устав за основу своих действий, могли открываться уже с разрешения губернаторов и даже градоначальников. А.С. Туманова справедливо видит в этом акте не только упрощение механизма создания благотворительных обществ, но и более подробную кодификацию основных видов благотворительной помощи бедным. «В их числе значились: снабжение одеждой, пищей, жильем, выдача денежных пособий, предоставление работы, медицинской помощи, определение в богадельни, приюты, учебные заведения, помощь в воспитании сирот и др. Для осуществления указанных направлений работы Обществам предписывалось открывать (с разрешения властей) следующие благотворительные заведения — общественные дома, приюты,

убежища, общежития, дома трудолюбия, больницы, амбулатории и др.» [2, с. 300].

Список литературы:

1. Полное собрание законов Российской Империи. 3-е собр. Т. 10. Отд. № 6927. СПб., 1895.
2. Туманова А.С. Благотворительные объединения: организационно-правовые основания и содержание деятельности // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX вв. / под ред. А.С. Тумановой. М., 2011. — С. 265—315.
3. Устав об общественном призрении. СПб., 1892.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ МОДЕЛИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В 1926—1930 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ Г. ОРЕНБУРГА)

Калдузова Виолетта Александровна
аспирант Оренбургского государственного
педагогического университета,
РФ, г. Оренбург
E-mail: ka-violett@mail.ru

POPULATION'S FEEDING ARRANGEMENTS OF THE CITY UNDER CONDITIONS OF THE CHANGE OF THE GROCERY REGULATION MODEL IN 1926—1930 (THROUGH THE EXAMPLE OF ORENBURG)

Violetta Kalduzova
post-graduate student of Orenburg State Pedagogical University,
Russia, Orenburg

АННОТАЦИЯ

В статье исследованы возможности приобретения продовольствия городским населением в кризисный период развития советской экономической системы с привлечением регионального материала. Проведен анализ показателей наличия продовольствия, возможностей

городского населения приобрести его за существующую цену и сравнение плановых и фактических норм обеспеченности населения, исследована структура затрат на приобретение продуктов для домашнего питания и затрат на общественное питание.

ABSTRACT

In the article the possibilities of buying food by urban population during the crisis of the Soviet economic system with the involvement of regional material are under study. The analysis of indicators of food availability, the urban population's capabilities to buy it for the current price and the comparison of planned and factual norms of the population's provision is carried out; the structure of costs for the purchase of products of home food and the cost of catering is investigated.

Ключевые слова: нормы потребления; структура расходов на питание, снабжение продовольствием; продовольственная безопасность.

Keywords: consumption patterns; spending pattern on food; food supply; food security.

Одной из важнейших структурных составляющих системы продовольственной безопасности является снабжение населения, изучение которого в историческом контексте особенно актуально в свете гуманизации науки и исходя из реалий современного экономического положения России. Система продовольственной безопасности проходит проверку на прочность именно в кризисные моменты. Кризисные явления в экономике в 1926—1930 гг., переход от элементов рынка к плановому хозяйству и директивному управлению экономической жизнью страны вызвали перелом в системе снабжения населения.

Рубеж начала первой пятилетки стал для советской экономической системы переходным периодом к плановому механизму регулирования продовольственной безопасности и потому является показательным в плане изучения снабжения населения продовольственными товарами на трех уровнях — общесоюзном, краевом и окружном. Системе продовольственной безопасности в исследуемый период времени уделялось недостаточное внимание со стороны органов государственной власти. В конъюнктурном обзоре народного хозяйства Средне-Волжского края за первую треть пятилетки только один из двенадцати пунктов касается вопросов продовольствия, да и то в обтекаемой формулировке: «обеспечить продовольствием трудовое население городов» [16, л. 8].

Обнаруженные в местных архивах отчеты и статистические обзоры практически не содержат упоминаний о продаже и нормах потребления таких продуктов питания, как овощи, фрукты, чай, кондитерские изделия. Основное внимание уделяется главным потребительским культурам — зерновым, крупам, бобовым, картофелю. В качестве примера рассмотрим распределение хлебной продукции среди городского населения.

Нормы потребления хлебной продукции в СССР устанавливались под влиянием данных бюджетных обследований, проведенных на местах. Именно эти данные, ввиду их точности, широты территориального охвата и возможности установления порайонных различий были положены в основу установления норм потребления хлебных продуктов [3, с. 31].

Для городского и сельского населения нормы различались весьма существенно только в количественном отношении (*Табл. 1*). Городское население питалось лучше и качественнее, поскольку имея удельный вес 14 % в общем потреблении пшеницы по краю, пшеницы и белого хлеба потребляло 98 % от общего городского потребления зерновых [11, л. 36].

Таблица 1.

Нормы хлебного потребления на душу в год (кг) [3, с. 32]

Год	Сельское население	Городское население
1924/1925	229	177
1925/1926	232	179
1926/1927	229	174

Приведенные данные свидетельствуют о том, что среднедушевые нормы питания были очень низкими. Кроме того, фактическое потребление для рабочих и служащих в большинстве случаев было меньше даже этих установленных норм (*Табл. 2*), и набор продуктов был минимальным и дальнейшему ограничению не подлежал [9, с. 57—58]. Эти выводы подтверждают результаты обследования питания рабочих и служащих городов Урала [6, с. 32].

Таблица 2.

Потребление основных продуктов питания в 1928—1930 гг.
(среднемесячные на душу в кг.) [9, с. 57—58].

Название продуктов	Фактическое потребление 1928/1929		Фактическое потребление 1929/1930		Нормы потребления для рабочих (средние)	Нормы потребления для служащих (средние)
	Рабо- чие	Служа- щие	Рабо- чие	Служа- щие		
Мука ржаная	1,41	1,02	1,469	0,860	2,88	1,09
Мука пшеничная	3,64	1,67	2,756	1,824	5,01	3,65
Хлеб пшеничный	6,60	5,28	6,934	5, 230	4,65	5,54
Картофель	7,95	6,7	11,357	10,126	10,07	8,53
Овощи	3,58	3,38	3,939	3,641	3,97	3,88
Ягоды и фрукты	1,79	4,53	-	-	4,93	1,90
Мясо, сало	3,95	3,09	3,881	3,740	4,49	4,53
Рыба	0,88	0,8	1,013	0,843	1,98	0,51
Молоко	5,63	7,3	3,005	4,550	3,92	6,00
Яйца	0,29	0,65	0,158	0,171	0,16	0,23
Сахар	1,30	1,15	1,160	0,979	1,15	1,18
Соль	0,44	0,42	0,468	0,425	0,51	0,44
Чай	1,018	0,02	0,019	0,018	0,03	0,022

Объективно можно выделить две возможных причины для возникновения подобной ситуации: недостаточные размеры сельскохозяйственного производства или низкая покупательная способность населения.

Оренбургский округ даже к концу изучаемого периода (1928/1929 год) по выводам комиссии ВЦИК считался экономически отсталым районом края с низкими темпами восстановления хозяйства. Так, по посевным площадям уровень 1928 года составил только 58 % от уровня 1917 года, по валовой продукции сельского хозяйства — 68—70 %. Продукция 47 % хозяйств округа шла исключительно на местные потребительские нужды [10, л. 28].

Фактическая обеспеченность города зерновой продукцией была недостаточной, что подтверждается материалами региональных архивов. Существовавшая необходимость во ввозе продукции сельского хозяйства в Оренбургский округ была очевидна: в ряде случаев требовалось ввезти практически столько же, сколько было необходимо

для населения округа. Местные резервы составили от ввезенного незначительный процент: овса — 0,02 %, проса — 0,13 %, подсолнуха — 0,8 %. Только по пшенице необходимость ввоза была ниже требуемого объема в 3,5 раза [15, л. 7].

Показателен еще один пример. По архивным данным в 1929 году для местного снабжения Оренбургского округа было выделено 16380 тонн зерновой продукции [12, л. 54]. Продовольственная норма на едока в год составляла 254 кг. [7, л. 157]. Выявлено, что данное количество продовольствия способно обеспечить только 8,2 % населения округа [2, л. 76]. По данным бюро Оренбургского окружкома к середине февраля 1930 г. около 30 % населения г. Оренбурга не было снабжено хлебом [8, л. 27], что приводило к волнениям и выступлениям городского населения [4, с. 85—90].

Если рассматривать объективные предпосылки для расширения покупательной способности населения, а именно величину заработной платы, то вырисовывается следующая ситуация.

Сравнение заработной платы рабочих и служащих (Табл. 2) [1, с. 58] и стоимости их питания показало, что самый большой доход был у промышленных рабочих, это указывало на приоритеты советского государства.

Таблица 3.

Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих (руб.) [1, с. 58]

Категория населения	1926/1927	1927/1928	1928/1929	1929/1930	Средняя за 1926—1930 гг.
Ценовая промышленность	64,8	70,6	77,08	77,24 [9, с. 36]	77,43
Нецензовая (кустарно-ремесленная) промышленность	46,75	52,33	52,33	Нет данных	50,47
Учреждения	58,08	63,33	69,42		63,61
В среднем по несельскохозяйственному сектору	59	63,58	68,58		63,72

Возникает закономерный вопрос — могло ли городское население на имеющиеся средства приобрести необходимую продукцию?

Для оценки покупательной способности рабочих и служащих корректнее использовать данные по среднемесячной заработной плате

и затратах на приобретение продуктов для домашнего питания (Рис. 1 и Рис. 2) [1, с. 58—59]. Анализ указанных показателей позволил сделать ряд выводов.

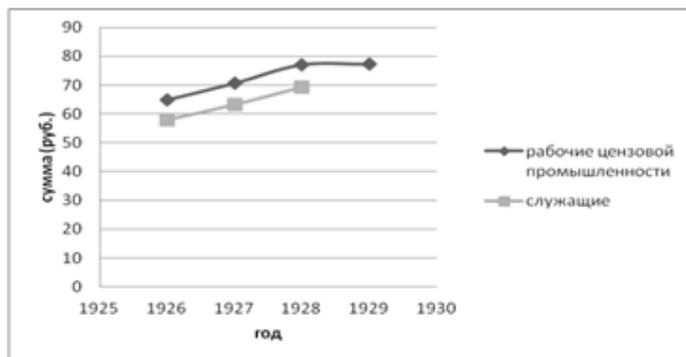

Рисунок 1. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих (руб./мес.)

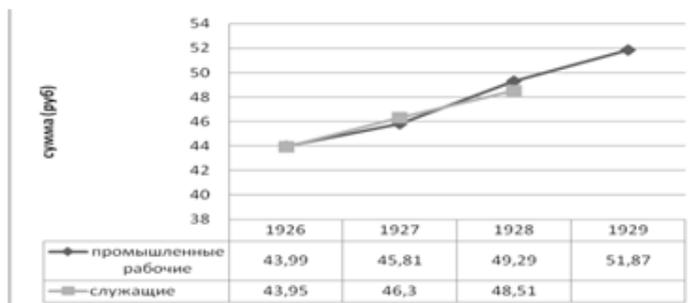

Рисунок 2. Абсолютные показатели затрат рабочих и служащих на домашнее питание (руб/мес)

Рост заработной платы и затрат на покупку продуктов питания для домашнего потребления в категориях рабочих и служащих происходил равномерно, без скачков. Однако для рабочих линия тренда обнаруживает возникшую к 1929 году ситуацию, когда при стабилизации и некотором уменьшении заработной платы затраты на питание продолжают расти. В дальнейшем при росте затрат на продовольствие у рабочих, их заработная плата сокращалась. Это могло быть вызвано увеличением предложения на рынке рабочей силы

и изменением социальной структуры общества из-за индустриализации.

Интересные выводы позволяет сделать изучение структуры затрат рабочих и служащих на питание.

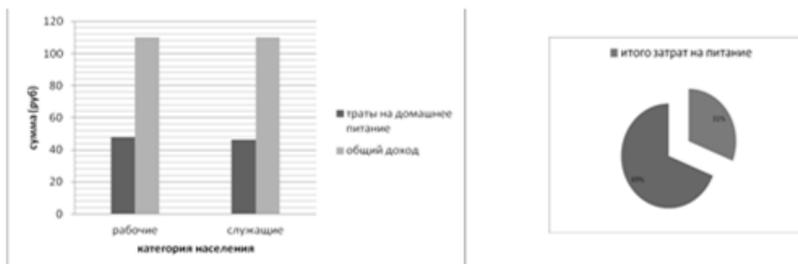

Рисунок 3. Средние затраты на домашнее питание городского населения за 1926—1929 гг. (руб./мес.)

Треть доходов городского населения уходило именно на покупку продуктов питания (Рис. 3). Структура этой части расходов свидетельствует о разнице розничных цен и цен в сфере рыночной торговли, где в основном и приобретались продукты для домашнего питания, в отличие от общественного питания по месту работы, где продукты поставлялись централизованно, и их стоимость была ниже (Рис. 4). В связи с этим основное внимание уделяется изучению затрат рабочих именно на приобретение продуктов для домашнего питания.

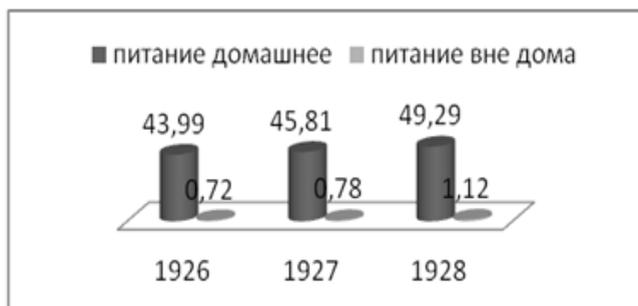

Рисунок 4. Стоимость питания рабочих и служащих за период 1926—1928 гг. (руб.) [1, с. 61]

На протяжении исследуемого периода наблюдается тенденция роста заработных плат и параллельный рост затрат на продукты питания. В среднем за 2 года (1927/1928 и 1928/1929) номинальная заработная плата рабочего цензовой промышленности края увеличилась на 27,4 %, тогда как и стоимость жизни стала выше — за 1928/1929 год стоимость бюджетного набора увеличилась на 8,8 % [17, л. 210]. Это говорит о снижении размера реальной заработной платы, объясняемое увеличением численности населения в результате миграций.

Рост миграционных потоков в Средневолжский край объясняется нуждами индустриализации и растущей промышленной ориентацией региона. В Оренбургском округе ситуация повторяла общесоюзную тенденцию роста несельскохозяйственного пролетариата — за первую пятилетку было построено 40 промышленных предприятий. Только в добывающей промышленности число рабочих к 1928 году выросло по сравнению с 1913 г. в пять раз [5, с. 16], что усиливало нагрузку на сельское хозяйство, в котором в это время начались процессы коллективизации и связанные с ними перегибы.

Городское население пополнялось за счет рабочих бригад, работников сельских областей, не связанных с сельским хозяйством. Увеличение населения Средневолжского края планами первой пятилетки предполагалось за счет привлечения рабочей силы из других регионов [11, л. 90], что можно объяснить удобными условиями для сельского хозяйства и историческим распределением населения в крае — до отмены крепостного права основной частью населения региона были государственные крестьяне и казаки.

Помимо перегруппировки человеческого ресурса индустриализация требовала материальных затрат. Средств для осуществления масштабных замыслов было недостаточно, поэтому широко использовалась практика займов у населения. В 1929 г. контрольная цифра займа индустриализации для населения по Оренбургскому округу составила 3 млн. руб. [5, с. 16]. В сравнении, например, с доходной частью бюджета Оренбургского округа на 1927/1928 год, эта сумма составляет 30 % [16, л. 11]. Другим способом для изъятия денежных средств у населения было повышение цен на товары и продукты. Существовали «ножницы цен». Заготовительные цены на молочно-масляную продукцию в начале 1930 года составляли 1,64 руб., а рыночные — почти в 5 раз выше и доходили до 6 руб. [14, л. 4об].

Экономические преобразования, свертывание рыночных механизмов и наступление на частную торговлю тоже увеличивали количество населения, вынужденного переходить на государственное снабжение.

Сокращение доли частной торговли, которая составляла от 50 до 61 % всех покупок городского населения, а по некоторым показателям доходила до 95 % [9, с. 62] автоматически увеличило контингент населения, перешедшего с самоснабжения на государственное снабжение. С 1925 года по 1927 год частный сектор потерял в торговой сети только 3,7 % своего удельного веса [12, л. 24об], а в первые месяцы 1930 года число ларьков и палаток сократилось на 57 % [14, л. 4об]. К концу пятилетия предполагалось вытеснить частника из сферы торговли, расширив действие кооперации на 79 % крестьянского населения и на 80 % горожан [11, л. 66].

С 1928 года резко увеличивается доля затрат на общественное питание, что было связано с введением карточек — рабочие оставляли получаемые по карточкам продукты в семье, а сами питались на предприятиях (Рис. 5). Карточная система снабжения населения кардинально не улучшила ситуацию с питанием. Суточное снабжение рабочих всех категорий по карточкам в г. Оренбурге составляло 600—800 грамм, служащих и членов семей рабочих — 400 грамм, членов семей служащих и прочего городского населения (ремесленников-кустарей, безработных, пенсионеров) — 300 грамм хлеба [8, л. 206]. Подобные нормы вызывали протест населения, что в 1929 году привело к появлению подобных лозунгов: «не знаю, когда и кушать — утром или в обед. Для курицы может и хватить 300 грамм хлеба, но не для человека» [13, л. 234].

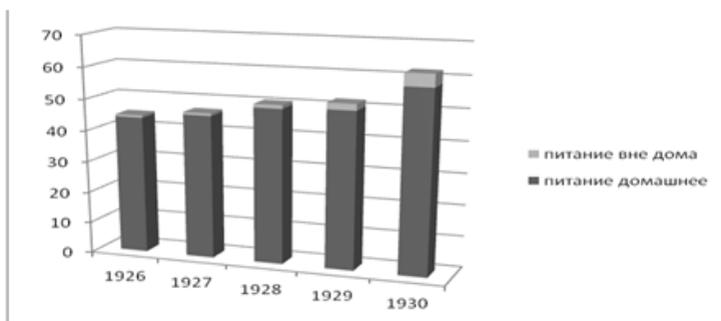

Рисунок 5. Затраты городского населения на питание (руб./мес.) [1, с. 61]

Таблица 3.

**Нормы карточного снабжения по категориям населения
в г. Оренбурге на 1930 год (кг/мес. на душу
населения) [8, л. 43, 135, 206, 207]**

Название продукта	Нормы потребления по категориям населения		
	рабочие	Служащие	Члены семей рабочих и служащих
Картофель	8,3	8,3	Нет данных
овощи	7	7	Нет данных
Сахар	0,25	0,25	Нет данных
хлеб	18-24	12	9
Крупы	24	18	9-12

Особенностью развития советской экономики в переходный от элементов рынка к плановому регулированию период было совместное действие рыночных законов и плановых директив. Если законы спроса и предложения действовали на перемещение рабочей силы и оплату труда, то на снабжение населения рыночные механизмы не влияли. Возникновение трудностей со снабжением и необходимость его жесткого административного регулирования путем введения карточек является индикатором слабости экономической системы и непригодности ее к решению проблем питания населения, что свидетельствует о крайне низком уровне продовольственной безопасности отдельной территории края.

Список литературы:

1. Вопросы труда в цифрах. Статистический справочник за 1927—1930 гг. М.: Госиздат, 1930.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 205.
3. Ежегодник хлебной торговли № 1. 1925/1926 и 1927/1928. М.: Издательство Наркомторга СССР и РСФСР. 1928.
4. Калдузова В.А. Кризис хлебного снабжения населения г. Оренбурга в 1929 году//Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2014. № 2(10).
5. Лапаева М.Г. Развитие хозяйства Оренбургской области (1875—1996 гг.). Оренбург: 1996.
6. Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы. Т. 2./под ред. Г.Е. Корнилова, В.В. Маслакова Екатеринбург: «Академкнига», 2000.

7. Самарский государственный архив социально-политической истории (СГАСПИ). Ф. 1141. Оп. 20. Д. 84.
8. СГАСПИ. Ф. 1141. Оп. 20. Д. 276.
9. Труд в СССР. Справочник 1926—1930 гг./под ред. Я.М. Бинемана. М.: ПЛАНХОЗГИЗ, 1930.
10. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 55.
11. ЦДННАО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 61.
12. ЦДННАО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 196.
13. ЦДННАО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 219.
14. ЦДННАО. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 330.
15. ЦДННАО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 335.
16. ЦДННАО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 338.
17. ЦДННАО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 248.

ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБУЧЕНИЕ — ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА В РАБОТЕ ДЕТСКИХ КОЛОНИЙ МВД СССР

Якушина Евгения Сергеевна

*преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Московского областного филиала МосУ МВД России им. В.Я. Кикотя,*

РФ, г. Москва

E-mail: evgeniya.rybina@mail.ru

INDUSTRIAL TRAINING — THE MOST IMPORTANT TASK IN CHILDREN'S COLONIES THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE USSR

Yakushina Evgeniya

lecturer criminal law and criminology

*The Moscow regional branch of the Moscow MVD name V.IA. Cikota,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается организация производственного обучения в детских колониях МВД СССР, как важнейшая задача индивидуально-воспитательной работы с несовершеннолетними правонарушителями.

ABSTRACT

This article discusses the organization of industrial training in juvenile colonies of the USSR interior Ministry, as the most important task individually and pedagogical work with juvenile offenders.

Ключевые слова: производственное обучение; детские колонии МВД СССР; трудовое воспитание; несовершеннолетние правонарушители; план промышленного производства.

Keywords: industrial training; children's colonies of the USSR interior Ministry; employment; education; juvenile offenders; the plan of industrial production.

После окончания войны Министр внутренних дел Союза ССР С.Н. Круглов в директиве № 37 от 14 апреля 1946 г. главной задачей в работе детских колоний поставил организацию производственного и общеобразовательного обучения, воспитательной работы [1]. В процессе трудового воспитания колония должна дать воспитанникам трудовую квалификацию и выпустить их приспособленными к самостоятельной жизни.

По состоянию на начало 1946 г. детские колонии выпускали продукцию мирного времени: сельскохозяйственные машины, моторные катера, колхозные гидротурбины, насосы, измерительные приборы, различные инструменты, репродукторы, изделия из пластмассы, машинное и хозяйственное литье, различную мебель, спортивный инвентарь, музыкальные инструменты, трикотажное белье, швейные изделия, обувь и т. д.

Ассортимент изделий колоний последовательно и систематически расширялся, улучшалось качество продукции. Изготовление высококачественных изделий давало возможность обучать воспитанников наиболее сложной специальности, закреплять и совершенствовать ее в процессе труда [6, с. 41—44].

С окончанием войны возможности в этом отношении значительно возросли. Поэтому на следующий период задача состояла не только в том, чтобы полностью вовлечь воспитанников в трудовые процессы, но и правильно организовать их труд и производственное обучение.

При организации труда воспитанников следовало учитывать их желания, способности, возраст, состояние здоровья и сроки их пребывания в колонии. Труд следовало организовывать таким образом, чтобы он укреплял силы воспитанников и способствовал их всестороннему развитию [7, с. 27—32].

Восстановление и дальнейшее развитие экономического потенциала страны базировались на широком развертывании социалистического соревнования за досрочное выполнение четвертой сталинской пятилетки (1946—1950 гг.). Совет Министров СССР своим Постановлением № 3739 от 4 ноября 1947 г. разрешил распространить на детские колонии МВД условия Всесоюзного социалистического соревнования строителей и предприятий МВД СССР по выполнению и перевыполнению пятилетнего плана 1946—1950 гг., объявленные в приказе МВД СССР № 467 от 28 ноября 1946 г.

Решением ВЦСПС и МВД СССР Покровской детской трудовой воспитательной колонии для девочек, как победившей в октябре 1947 г. во Всесоюзном социалистическом соревновании предприятий и строителей МВД СССР была присуждена третья премия.

Принятые ранее меры, направленные на укрепление производственной базы, способствовали досрочному выполнению плана промышленного производства 1947 года. В этом принадлежала и немалая роль широко развернувшемуся социалистическому соревнованию в честь 30-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. К 1 ноября 1947 г., как об этом указывалось в приказе [2], было выпущено товарной продукции на 167,3 млн. рублей или 109,3 % годового плана. При этом досрочно был выполнен годовой план по таким важнейшим видам продукции как:

зерносортировки «Клейтон» — 3537 шт. или на 101,1 %;

насосы «Гарда» — 5336 шт. или на 133,4 %;

гидротурбины — 85 шт. или на 118,0 %;

мебель и др. — 11,2 млн. р. или 114,2 %;

За 9 месяцев 1947 г. удалось снизить себестоимость выпускаемой продукции против плана на 9,4 %, что позволило сэкономить 10 миллионов рублей. За этот же период обучено рабочим специальностям с присвоением квалификации третьего и четвертого разряда 22 870-ти воспитанникам. Наряду с производственными успехами, отмечалось в приказе, детские колонии добились улучшения общего их состояния, постановки воспитательной работы и производственного обучения.

На перспективу ставилась задача закрепить достигнутые успехи и обеспечить дальнейшее улучшение общего состояния колоний, вос-

питательной работы, организации производства, труда и производственного обучения воспитанников.

В результате развернувшегося Всесоюзного социалистического соревнования многие детские колонии МВД, вступив в 1948 г., добились хороших производственных показателей, улучшили воспитательную работу и производственное обучение воспитанников.

Решением ВЦСПС и МВД СССР победителями во Всесоюзном социалистическом соревновании за январь 1948 г. были признаны: Казанская детская трудовая колония с оставлением за ней переходящего Красного знамени ВЦ СПС и МВД СССР и вручением первой премии, Покровская детская трудовая воспитательная колония, Архангельская и Атлянская детские трудовые колонии с присуждением им вторых премий.

В 1948 г. было обращено серьезное внимание на борьбу с непроизводственными расходами, экономии топлива, сырья, материалов, повышением качества выпускаемых изделий [5].

В конце 1949 г. МВД Украинской ССР обратило внимание руководителей детских колоний на необходимость уделять повышенное внимание вопросу травматизма на производстве.

Проверка ряда колоний показала, что на производственных объектах нередко допускались нарушения техники безопасности. Так, при проверке Н. Желлановской колонии были выявлены следующие недочеты: недостаточно ограждены ремни у станков и плохо освещался прессовый цех. Отсутствовало ограждение у токарных станков №№ 1, 2, 3. Явно недостаточно имелось и плакатов по технике безопасности в цехах. Допускалось несоблюдение правил техники безопасности в Приволжской колонии.

Основные недостатки по соблюдению техники безопасности по колониям сводились к следующему: захламленность цехов, недостаточная чистота на рабочих местах, снимаемое ограждение при ремонте не всегда сразу же устанавливалось. В ряде цехов не отвечала требованиям санитарии и вентиляция. При работах допускалось использование неисправного инструмента. Имелись недостатки и недоработки в содержании электрохозяйства. Вследствие всего этого в ряде колоний имели место мелкие травмы.

В ряде трудовых воспитательных колоний и трудовых колоний для осужденных несовершеннолетних все еще слабо поставлено трудовое воспитание и производственное обучение. Это приводило к тому, что некоторые подростки, несмотря на длительные сроки пребывания в колонии, не получали должной квалификации и оставались неподготовленными к трудовой жизни. Поэтому, в соответ-

ствии с приказом МВД СССР № 043 — 1949 г. «Об укреплении производственного обучения» [3], ставилась задача привлечения к производственному обучению всех подростков, воспитания у них коммунистического отношения к труду, любви к труду и к своей будущей профессии.

На это акцентировалось внимание и на совещании руководителей детских трудовых и трудовых воспитательных колоний южных областей Украины. В отчетном докладе отмечалось, что за 10 месяцев 1949 г. 7 колоний из 10 выполнили и перевыполнили плановое задание, а Одесская Бережанская, Якушинецкая и Львовская № 5 досрочно выполнили годовой план. В то же время у руководства МВД особую озабоченность вызывало угрожающее положение с выполнением плана начального периода производственного обучения в Буганской, Таганрогской и Приволжской ДТВК. Находился под угрозой план повышения квалификации в Буганской и Таганрогской ДТВК.

В основу воспитательной работы колоний был положен производительный труд, так как именно труд является могучим средством воспитания человека. Участвуя в организационном коллективном труде, воспитанники сознают себя полезными членами общества. Правильно организованный труд способствует развитию в них качеств передового советского человека, дисциплинирует, воспитывает высокие моральные качества и развивает способности к воспитанию.

Список литературы:

1. Директива НКВД СССР № 37 от 14 февраля 1946 г. «Об улучшении работы отделов НКВД-УНКВД по борьбе с детской безнадзорностью, беспризорностью, преступностью» // ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1 а. Д. 214. Л. 25—26.
2. Приказ МВД СССР № 520 от 6 ноября 1947 г. «О выполнении детскими колониями МВД социалистических обязательств в честь 30-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» // ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1 а. Д. 248. Л. 75—76.
3. Приказ МВД СССР № 043 от 29 января 1949 г. «Об улучшении производственного обучения в трудовых воспитательных колониях МВД» // ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1 а. Д. 308. Л. 96—102.
4. Распоряжение МВД СССР № 764 от 2 декабря 1947 г. «О соцсоревновании в детских колониях МВД» // ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1 а. Д. 256. Л. 37.
5. Шире развернуть социалистические соревнования, улучшить воспитание // Детские колонии. Бюллетень № 13. М.: Отдел МВД по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. 1948. — С. 3—5.

6. Якушина Е.С. Социалистическое соревнование и его роль в повышении трудовой активности воспитанников детских колоний // Юридический журнал «Черные дыры в Российском законодательстве». М., издательский дом «Юр-ВАК». — № 2, — 2014 г. — С. 41—44.
7. Якушина Е.С. Выполнение детскими колониями МВД СССР социалистических обязательств в честь 30-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции // Материалы XLIII международной научно-практической конференции «Вопросы современной юриспруденции». Новосибирск. Изд. «Априори». — № 43. — 2014 г. — С. 27—32.

4.2. АРХЕОЛОГИЯ

ТРАДИЦИЯ НОШЕНИЯ СЕРЕГ МУЖЧИНАМИ У ЯКУТОВ (ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ)

Бравина Розалия Иннокентьевна

*д-р ист. наук, профессор, зав. сектором археологии Института
гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН,
РФ, г. Якутск
E-mail: bravinari@bkl.ru*

PRACTICE OF WEARING EARRINGS BY MEN IN YAKUTIA (INTERPRETATION OF ARCHAEOLOGICAL DATA)

Rosalia Bravina

*doctor of Historical sciences, Professor, Head of the Sector of archaeology,
Institute of Humanitarian research and Indigenous Peoples of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Science,
Russia, Yakutsk*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается традиция ношения серег мужчинами у якутов по археологическим, фольклорным и этнографическим материалам. Приводятся историко-сравнительные данные.

ABSTRACT

This paper observes the practice of wearing earrings by men in Yakutia according to archaeological, folklore and ethnographic materials and provides historical and comparative data.

Ключевые слова: Якутия; погребения; мужские серьги; типы серег; традиции ношения.

Keywords: Yakutia; Burials; Male earrings; Types of earrings; Practice of wearing.

Традиция ношения якутскими мужчинами серег по данным раскопок средневековых погребений зафиксирована в трех случаях. В бывшем Хоринском (ныне Хатасском) наслеге Хангаласского района Центральной Якутии в мочке левого уха мужчины находилась маленькая кольцеобразная металлическая серьга [16, с. 64]. Погребальный инвентарь сугубо мужской и включает лук в налучнике, копьё с железным наконечником, скребок для чистки лошади, медный котел и манаага — деревянное приспособление для ношения клади за спиной. На территории того же наслега в погребении Ат Дабаан в мочках ушей подростка зафиксированы по одной серьге в форме вопросительного знака с двумя нанизанными полыми привесками конусообразной формы [3, с. 118]. В погребении Джюсюлэн (Чурапчинский район), исследованном саха-французской экспедицией, на обеих мочках молодого мужчины имелось по одной серьге в форме вопросительного знака с нанизанными на проволоку круглыми бусинками белого и черного цвета в количестве семи штук. Общая длина серег 5,7 см, диаметр округлой части 2,1 см. Возраст погребения Джюсюлэн, согласно радиоуглеродному методу датирования, 1440—1660 гг. [7, с. 66]. На древность погребения также указывают скорченное труположение, отсутствие гроба, седло под головой умершего. Металлический круг на шапке и богатый сопроводительный инвентарь указывают на достаточно высокий социальный статус погребенного.

Наиболее ранними из найденных в погребениях серег представляются бусинные серьги из погребения Джюсюлэн. Бронзовые серьги подобной формы были найдены в раннеякутском поселении Уганья, датируемом XIV—XV вв. [5, с. 93]. Основу таких серег составляет металлическая проволока, согнутая кольцом. Древнейшие аналоги этого типа серег были распространены на Алтае еще в скифское время. В дальнейшем серьги, изготовленные путем сгиба цельного куска проволоки, встречаются в средневековых памятниках Сибири, Приамурья, Поволжья и Средней Азии. Большинство найденных там серег изготовлено из медной и бронзовой проволоки, на которую нанизаны бусинки или жемчуг [9, табл. XXXII, 4, 9; 17, с. 77, 99, 107, 108; 8, с. 115, 122; 4, с. 246—251]. Серьги из погребения Ат Дабаан такой же формы, но с дополнительной металлической привеской и являются, вероятно, переходной формой эволюции древних типов серег. Серьгу из Хоринского погребения можно отнести к типу под названием измэх. Слово измэх имело двоякое значение: первое — название небольших серег в виде колец, второе — верхняя часть серьги, вдеваемая в ухо [14, с. 895]. Следует отметить, что в монгольском

языке серьги называются зэмэг. К нему весьма близок эмек, киргизское иймэк (серьги) [15, с. 37].

Традиция ношения серег мужчинами уходит своими корнями в мир древних кочевников Центральной Азии и Южной Сибири. На территории Саяно-Алтая и Казахстана в погребениях раннескифского времени в мужских могилах обычно находят одну серьгу слева от черепа, в не потревоженных женских — две [1, с. 9—19]. Изучение серег из памятников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени показало, что на территории Тувы серьги носили как женщины, так и мужчины. Женщины носили парные серьги одинаковой формы, мужчины — по одной серьге в левом или правом ухе [18].

В мужских погребениях хуннов в Забайкалье археологи обнаруживают по одной серьге [10, с. 169, 193, табл. 4]. Состав мужских и женских древнетюркских украшений сохраняют эти древние традиции. В погребениях с концом Саяно-Алтая VI—X вв. обнаруживаются по одному или двум экземплярам серег. При этом в захоронениях женщин две серьги присутствуют чаще, чем в захоронениях мужчин [12, с. 47]. По одному экземпляру находят в мужских (юношеских) погребениях, где сопровождающий комплекс вещей соответствует второй половине IX—X в. [11, с. 139]. В Монголии в определенно мужском средневековом погребении, золотая серьга пока встречена только один раз (погребение с подбоем в окрестностях г. Дархана) [2].

Ношение серьги мужчинами отмечено вплоть до этнографической современности у многих сибирских народов. Хакасы-мужчины носили ызырга (ср. якут. ытарга) в мочке одного уха [13, с. 70], юноши-тувинцы — серьги разного типа в обеих мочках [12, с. 47]. У аборигенов Нижнего Амура и Сахалина (нанайцы, ульчи и нивхи) существовали специальные мужские серьги (хусэгдэсу) в виде широкого кольца из серебряной проволоки, иногда с небольшой подвеской — бусиной. Их носили в левом ухе [19, с. 188].

Серьги у якутов традиционно считаются женским видом украшений. Найденные в мужских захоронениях серьги ничем не отличаются от женских. Женщины носили парные серьги одинакового типа, иногда по несколько в одной мочке уха. Среди средневековых памятников якутов в двух женских погребениях (м. Хатырык Юрюйэ, Усть-Алданский район и м. Тарат, Мегино-Кангаласский район) в левом ухе умерших были найдены по одной серьге: в первом случае это проволочная серьга в виде знака вопроса, во втором — спиралевидная проволочная серьга. В этой связи любопытно отметить, что в хуннских женских погребениях

встречаются по одной серьге именно в мочке левого уха, в том числе спиралевидной формы [10, табл. 4]. Возможно, подобная традиция имеет древние корни и является своего рода этногенетическим признаком культуры.

Традиция ношения серег якутскими мужчинами прослеживается в фольклорных и этнографических материалах. Героем одного из сюжетов эпоса олонхо, записанного в 1941 г. в Чурапчинском районе, является «Кюлэр Чююччюк богатырь, носящий золотую кольцеобразную серьгу размером с озера», предназначенный высшими божествами стать защитником племени ураанхай саха [20, л. 132]. Золотая серьга героя является отличительным знаком его доблести и высокой миссии. По этнографическим записям А.А. Саввина, в Центральной Якутии, в Дюпсюнском (ныне Усть-Алданском районе) серьги-колечки измэх носили мужчины только из знатных семей, что «простым людям не полагалось» [22, л. 28]. В Анабарском районе на северо-западе Якутии мужчины-долганы обычно носили в одном ухе серебряную серьгу, а богач Болдьумаар носил две золотые серьги [21, л. 21]. Вероятно, количество серег с учетом материала изготовления определяло социальную принадлежность их владельцев.

Серьги традиционно относились к разряду амулетов так называемых ымыы, предназначенных оберегать ребенка от злых духов и нечистых сил. К детской колыбели привешивали наряду с другими амулетами различные металлические подвески, кольца и серьги [6, с. 116]. Металлические украшения якутские дети начинали носить с раннего возраста. Девочкам пяти-шести лет, иногда раньше, прокалывали уши. По материалам И.С. Гурвича, на Крайнем Севере оленекские якуты, особенно в тех семьях, где умирали мальчики, выжившим прокалывали уши и вставляли серьги, чтобы ввести духов в заблуждение и защитить ребенка [6, с. 117].

Таким образом, серьги в ушах мужчин являлись своеобразными носителями информации: серьги были не просто украшением — по ним можно было установить социальное положение их владельца, историю семьи, а в ряде случаев, когда украшение носили наследники — такие серьги были оберегами, защищавшими от злых духов, а ношение одной серьги в одном ухе, возможно, являлся одним из этногенетических маркеров культуры.

Список литературы:

1. Абрамова М.П. Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Ч. 2. М.: Государственный исторический музей, 1982. — С. 9—19.
2. Ахагвасурэн, Хоголбоон. Средневековые погребения монголов (XII—XIV вв.): Автореферат дис. ...канд. истор. наук. М., 1994. — 23 с.
3. Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV—XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. — 296 с.
4. Вактурская Н.Н. О сурьгах средневекового городища Шерлих // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. — С. 246—251.
5. Гоголев. Якуты, Якуты: (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: Якут. ун-т, 1993. — 200 с.
6. Гурвич И.С. Культура северных якутов — оленеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М.: Наука, 1977. — 247 с.
7. Древний мир Древний мир якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции) / Под ред. Эрика Крюбези, Анатолия Алексеева. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2012. — 226 с.
8. История Амурской области с древнейших времен до начала XX века / Под ред. А.П. Деревянко, А.П. Забияко. Благовещенск, 2008. — 424 с.
9. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. — 643 с.
10. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (Погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1976. — 220 с.
11. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: МГУ. 1979. — 208 с.
12. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI—X веках. // Свердловск: УрГУ. 1990. — 223 с.
13. Патачаков К.М. Очерки материальной культуры хакасов. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1982. — 88 с.
14. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: В 3 т. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 1-3.
15. Савинов А.И. Традиционные металлические украшения якутов: XIХ — начало XX века: (Историко-этнографическое исследование). Новосибирск: Наука, 2001. — 171 с.
16. Стрелов Е.Д. Лук, стрелы и копье древнего якута // Сборник трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ». Якутск, — 1927. — Вып. 1 (4). — С. 58—74.

17. Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука. — 208 с.
18. Трифанова С.В. Украшения населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи.): Автореферат дис. ...канд. истор. наук. Горно-Алтайск, 2006. — 23 с.
19. Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. Этногенетический аспект. М.: Наука, 1984. — 246 с.

Материалы рукописного фонда Архива Якутского научного центра СО РАН:

20. Саввин А.А. Верования якутов (кэрэх, табык, духи др. материалы) / Ф. 4. Оп. 12. Д. 70. — 347 л.
21. Саввин А.А. Заметки по этнографии якутов. 1938, 1939, 1941 гг. / Ф. 4. Оп. 12. Д. 48. — 51 л.
22. Саввин А.А. Этнографические заметки. 1942, 1943, 1944 гг. / Ф. 4. Оп. 12. Д. 51. — 56 л.

4.3. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

МИФОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОР В НАРРАТИВАХ ИДЕОЛОГА НЕОЯЗЫЧЕСТВА А.А. ДОБРОВОЛЬСКОГО

Шиженский Роман Витальевич

*канд. ист. наук, доцент кафедры истории Росси и вспомогательных исторических дисциплин Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, РФ, г. Нижний Новгород
E-mail: heit@inbox.ru*

Тютин Ольга Сергеевна

*студент 5 курса, ф-та гуманитарных наук, специальность история Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, РФ, г. Нижний Новгород
E-mail: o.tyutina@mail.ru*

THE MYTHOLOGY AND FOLKLORE IN NARRATIVES OF IDEOLOGY OF NEOPAGANIZM A.A. DOBROVOLSKY

Shizhensky Roman

*Ph.D. , Associate Professor
of History of Russia and the auxiliary historical disciplines
Nizhny Novgorod State Pedagogical University them. Kuzma Minin,
Russia, Nizhny Novgorod*

Tyutina Olga

*5-year student, Faculty of Humanities, specialty history Nizhny Novgorod State Pedagogical University them. Kuzma Minin,
Russia, Nizhny Novgorod*

АННОТАЦИЯ

В данной работе предпринята попытка осветить мифологический компонент в концепции А.А. Добровольского. А также определить

роль фольклорного элемента в изучении славянского язычества. И сопоставить выдвигаемые идеологом неоязычества тезисов с основными концепциями, представленными в отечественной историографии.

ABSTRACT

In this state we attempt to present the mythological component in the concept of A.A. Dobrovolsky. And to determine the role of folk element in the study of Slavic paganism. And compare theses put forward by the ideologist of neo-paganism with the basic concepts presented in the national historiography.

Ключевые слова: славянское язычество; неоязычество; мифология; фольклор; демонология.

Keywords: Slavic Paganism; Neopaganism; mythology; folklore; demonology.

Особое место в концепции идеолога неоязычества А.А. Добровольского занимает низшая мифология и фольклор. Мифологическая составляющая рассматривается автором как древнейший пласт языческих воззрений, который претерпел наименьшую мировосприятливую деформацию в силу того, что изначально являлся неким компонентом религиозно-мировоззренческой системы, своеобразными «уста́ми народа». «Волшебные сказки — это замаскированное изложение священных родоплеменных преданий [2, с. 33]. Анализируя народные сказания и Сопоставляя с данными археологии и этнографии ... мы можем различить действительные исторические события» [1, с. 51]. Фольклор, по мнению Доброслава, можно рассматривать как особый (если не сказать наиболее достоверный) источник по изучению славянского язычества.

Обращение к мифологическим и фольклорным сюжетам, как системообразующим элементам при изучении славянского язычества широко представлено в трудах отечественных исследователей. Особое внимание, на наш взгляд, стоит обратить на труды таких выдающихся исследователей как В. Пропп и Д. Шеппинг.

Д. Шеппинг в своей работе «Мифы славянского язычества» выделяет несколько периодов эволюции мифологических воззрений: эпоху духов, эпоху божеств природы, эпоху богов-кумиров [7]. В основе данной классификации положен принцип персонализации и антропоморфитизации восточнославянского пантеона. Характеризуя при этом первые две стадии развития мифологии, автор приходит к выводу о наличии в них определенных особенностей. Говоря об аксиологической составляющей славянского вероучения, Шеппинг

обращает внимание на его гармонизирующую, примиряющую функцию, которая, при этом не противоречит в известной степени дуалистичности языческого мировоззрения славян: «в дуализме примирения, соединяющем противоположные крайности в общую цель жизни и уничтожающем таким образом их одностороннюю зловредность» [7]. Следующим отличием является главенствующая роль женского божества над мужским началом [7]. Также за долгий путь эволюции мифологической системы она претерпела, по мнению исследователя, некое иноземное влияние, в первую очередь влияние прибалтийского региона, а в более позднюю эпоху — христианское взаимодействие с язычеством [7].

Говоря о мифологическом подходе в изучении исторических явлений нельзя не затронуть труд В. Проппа «Исторические корни волшебной сказки». Автор так говорит об используемой методологии: «сказку надо сравнивать с исторической действительностью прошлого и в ней искать корней ее.. сказку нужно сопоставлять как с мифами первобытных доклассовых народов, так и с мифами культурных государств древности» [6]. Выделяя именно «сказочный» жанр в многообразии фольклорной славянской традиции, автор выводит некую «сказочно-религиозную» связь, которая, при этом может выстраиваться минуя мифологическую составляющую явления: «Сказка может происходить и от религии непосредственно, минуя миф» [6].

В современной российской историографии интерес к славянской мифологии и фольклористике не угас, среди отечественных исследователей искомой проблематики, стоит обратиться к работе Е. Левкиевской «Миф русского народа», в которой автор характеризует мифологическую составляющую как «народный аналог науки» [4].

Исследователь Е. Левкиевская также отмечает ряд особенностей славянской мифологии. А именно: достаточно короткий период дохристианского существования, который обусловил незаконченность мифологической системы. И отсутствие письменности, что повлекло за собой устный характер мифологической компоненты славянского язычества [4]. Также автор отмечает факт региональной эволюции мифологических воззрений, которые имели место быть уже в христианскую эпоху Древне русского государства. «Некогда единая система древнерусских мифов продолжала существовать, но уже в значительно измененном и раздробленном виде» [4].

Ввиду описанных выше особенностей славянской мифологической системы, Е. Левкиевская отмечает главенствующую роль именно фольклорного элемента при изучении явления. «Древнерусская мифология — это на 90 % реконструкция, ...и лишь

на 10 % — оригинальные сведения, почерпнутые у древних книжников» [4]. Д. Шеппинг же идет еще дальше, высказываясь в пользу изучения именно фольклорного элемента как единственно актуального при изучении мифологической системы славян: «изучение славянской мифологии должно ограничиваться одними изустными преданиями и перечнем имен богов, сохранившихся в наших песнях, припевах и поговорках» [7].

И.А. Толстой, говоря о необходимости изучения фольклора при попытках реконструкции славянского язычества, обращает внимание на синкретизм славянского народного творчества: «нерасчлененность поэзии, магии, ритуала...», позволяющие во всем своем многообразии подойти к изучению языческой проблематике [5, с. 198].

Возвращаясь к нарративам А.А. Добровольского, стоит обратить внимание на то, что среди множества «безличных» героев устной народной традиции, васеневский отшельник выделяет представителей низшей мифологии, как «мифологических долгожителей». «Народная память не сохранила имен. Но зато она сохранила целый мир «низших мифологических существ». Коренные, почвенные лики «низшей мифологии» во всем своем богатом и причудливом многообразии почитались не только больше всех, но и дольше всех» [2, с. 32]. Подобного рода утверждение о большей укорененности представителей низшей мифологии в славянской религиозной памяти высказывают Топоров и Иванов в сборнике Где в качестве причины авторами выделен факт незаконченности формирования мифологической системы на момент принятия христианства и соответственно ее более гибкий и столь необходимый в условиях двоеверия характер [5, с. 170].

Ю.В. Кривошеев, обращаясь к вопросу о низшей мифологии, обозначил героев как представителей демонологии, а долгожительство последних связывает непосредственно с тем, что на момент принятия сначала религиозной, а потом и христианской реформации Владимиром, славянское язычество находилось на стадии полидемонизма (следующей за стадией первобытных воззрений и предвосхищавшей политеистическую ступень в развитии славянского развития, соответствие с периодизацией автора) [3].

Таким образом, обращение А.А. Добровольским к мифологической составляющей славянского язычества через народный эпос, стоит рассматривать через призму как мифологического, историко-сравнительного так и структуралистского направлений в отечественном славяноведении. Автор попытался соединить воедино разнородные направления в историографии, что придает его

многоаспектной концепции уникальней, в своей неоднозначности, как по форме, так и по содержанию характер.

Список литературы:

1. Доброслав. Зов Туле. Б.м. : Хлыновский экспресс, 2006. — 83 с.
2. Доброслав. Об идолах и идеалах. Б.м.: Новая земля, 2007. — 89 с.
3. Кривошеев Ю.В. Религия восточных славян накануне крещения Руси. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://heathen.narod.ru/library/religion.html> (дата обращения 18.12.2014).
4. Левкиевская Е. Мифы русского народа. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/myt/hsr/uss/kih/1.htm#1> (дата обращения: 20.12.2014).
5. Очерки истории культуры славян. РАН. Ин-ст славяноведения и балканистики, М. 1996 г. — 494 с. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/1996_Ocherki_istorii_kul'tury_slav'an.pdf (дата обращения: 19.12.2014).
6. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Propp_2/24.php (дата обращения: 20.12.2014).
7. Шеппинг Д. Мифы славянского язычества. М., 1849. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://krotov.info/history/10/1/shepping.htm> (дата обращения: 21.12.2014).

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ**

Сборник статей по материалам
XLIV-XLV международной научно-практической конференции

№ 1 (42)
Январь 2015 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 28.01.15. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 6,75. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630099, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 16, офис 807
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3